

ЕВГЕНИЙ МАЛИНИН

Проклятие Аримана
Разделенный Мир. Магистр

Евгений Малинин
Магистр
Серия «Проклятие Аримана», книга 4

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119572
Малинин Е.Н. Проклятие Аримана. Магистр: Фантастический роман: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-015151-9

Аннотация

Он – тот, кто должен сыграть до конца фугу для двух клинков, двух миров и одного магистра, и тогда рухнет заклятие Аримана, закольцевавшее два мира...

Он – тот, кто однажды заснул – и очнулся ото сна уже в Разделенном Море. В Море, где он обладает Мечом Поющим и Кинжалом Молчащим. В Море, где, как нигде более, сильна власть колдовства. Так начинается его путь. Путь ученика, в крови и опасности ставшего магом...

Он отправляется в путь. Отправляется по кровавому следу горстки земных магов, сгинувших во мраке и гибели Разделенного Мира. Отправляется – в надежде лишь на свою удачу и отвагу...

Ибо – велика, страшна Сила Тьмы, но то, что не одолеть мечом, одолеть возможно силою магии. Ибо – наступает, наконец, время для исполнения предначертанного. Ибо – в жесточайшей из схваток со Злом маг должен стать магистром...

Содержание

ПРЕЛЮДИЯ	4
1. СЧАСТЬЕ ВЕЛИКОГО ХАНИФАТА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Малинин

Проклятие Аримана. История Четвертая

МАГИСТР

ПРЕЛЮДИЯ

28 октября 20... года. Отправляясь в путь, в путешествие, мы почему-то считаем, что наша дорога начинается с вокзала, с аэропорта или с момента включения стартера автомобиля. А ведь на самом деле эта дорога началась гораздо раньше... Просто мы не задумываемся о предстоящем нам пути в тот момент, когда на него вступаем. Действительно, устраиваясь, например, на работу в солидную фирму, мало кто сообразит, что тем самым он уже обеспечил себе путешествие, ну например, на Сахалин...

Очень редко человек заранее точно знает, куда его ведет избранный путь и где и когда он на этот путь вступил... А этот Путь иногда оказывается... Крестным!

Я брел по бескрайней болотистой равнине, проваливаясь по колено в какую-то совершенно невероятную белоснежную трясику. Брел между торчавших из этой белой трясины, полусгнивших деревяшек, напоминающих то ли сломанные кладбищенские кресты, то ли изувеченные стволы не высоких деревьев, то ли куски старых разбитых заборов. И вообще все окружающее меня пространство представляло собой странный сюрреалистический негатив. В ровном светло-сером небе пылало абсолютно черное солнце, и окружающие меня изломанные деревяшки бросали столь же изломанные кипенно-белые тени на неподвижную белоснежную равнину. Но особенно меня поражало то, что поверхность, в которую я при каждом шаге погружался по колено, никак не реагировала на это. Она оставалась абсолютно неподвижной. Словно белое матовое застывшее стекло заглатывало мои ноги, не замечая их.

С трудом переставляя разъезжающиеся на осклизлых кочках ноги, я опирался на длинный, двуручный и при этом совершенно невесомый меч. Вокруг меня царили полная тишина и полная неподвижность, даже болото под ногами не хлюпало. И на всем окружающем меня пространстве не было ни одной сколько-нибудь заметной выпуклости, за исключением цели моего пути. Впереди в нескольких сотнях метров возвышался темный, сливающийся с небом холм, из которого торчал высокий корявый столб, покрытый странными плавными наростами. Именно к этому столбу я стремился, преодолевая немое сопротивление белой равнины.

Я шел уже очень давно, но возжеланный холм почему-то и не думал приближаться. Черное солнце немилосердно жгло, но я почему-то не хотел снимать блестящую кольчугу, надетую прямо на голое тело, хотя обожженные плечи едва терпели раскаленную тяжесть.

И тут позади меня среди полнейшей тишины раздался глухой, странно знакомый голос: – Вот ты и пришел. Сам!

Я, насколько смог, резко повернулся и едва не упал. Сзади меня никого не было. Я обшарил внимательным взглядом все открывшееся мне пространство, но так и не обнаружил говорившего. Повернувшись в прежнем направлении, я неожиданно обнаружил, что стою буквально в нескольких шагах от подножия темного холма. Столб на его вершине,

казалось, упирался в небо, а те странные выпуклости, еле видные издалека, превратились в маленькую девичью фигурку, опирающуюся ногами на крошечную перекладину и с руками, связанными позади столба. Я снова еле устоял на ногах, мгновенно узнав в привязанной к столбу девушке Злату.

Целую минуту я ошарашенно рассматривал черный, обглоданный пламенем столб и совершенно невредимую фигуру на нем. Неожиданно за моей спиной снова раздался голос:

– Ты пришел за ней?! Ха! Но ты опоздал!..

Я прыгнул из вцепившейся в мои ноги белой трясины на твердое подножие холма и снова резко развернулся. За моей спиной по-прежнему было пусто. Только черное солнце склонилось к самому горизонту, и его невидимые лучи били мне прямо в лицо. А по неподвижной белоснежной равнине к моим ногам тянулись еще более белые тени от корявых, торчащих под разными углами деревяшек.

И в тот момент, когда я уже собирался повернуться спиной к яростному черному солнцу, два торчащих невдалеке обломанных столбика начали на глазах разбухать, как надуваемые воздушные шарики-колбаски, и стремительно чернеть. Через секунду эти колбаски лопнули, не издав ни звука, и вместо них в воздухе яростно замахали перепончатыми крыльями две огромные черные летучие мыши. Они ринулись в мою сторону, а я словно оцепенел. Вернее, оцепенел мой разум, потому что тело действовало автоматически. Колени слегка подогнулись, ладони плотно обхватили длинную шероховатую рукоять меча, и руки послали навстречу первой твари невесомое сияющее лезвие.

Меч располовинил налетавший ужас, и тот, все еще размахивая своими широкими бесшумными крыльями, рухнул вниз к земле. Краем глаза я увидел, как у самой поверхности две половинки летучей мыши превратились в два клочка сероватого тумана и всосались в белое стекло болота. Вторая тварь, оскалив длинные черные клыки и сверкнув темным рубином глаз, резко вильнула в сторону и вверх. Мгновенно развернувшись, она бросилась на меня сбоку, но умницы руки уже переложили длинный клинок в нужную сторону, и отмах светлой стали мгновенно отсек одно из перепончатых крыльев. И в это мгновение я услышал первый звук, кроме сказанных невидимкой слов. Это был резкий обиженный детский крик.

Над белой равниной снова воцарились тишина и неподвижность. Немного помедлив, я повернулся в сторону холма. И увидел, что снова переместился и стою почти под самым столбом. Во всяком случае, я отлично видел восковое неподвижное лицо Златы с огромными немигающими замершими глазами.

Тут же снова раздался голос:

– Я же тебе сказал, что ты опоздал!..

На этот раз голос шел из-за столба, но говоривший не показывался. Да мне и некогда было его выглядывать. Не отрывая глаз, я наблюдал, как тело Златы резко шевельнулось, потом дернулось, и из-за столба появилась черная обугленная рука с коротенькими обгоревшими палочками пальцев. Рука медленно поднялась к горлу неподвижной девушки и принялась нашаривать шнурок, на котором висел камешек личного дневника.

И тут я закричал. Я закрыл глаза от накотившего ужаса и орал что есть мочи. Сразу занывшие легкие изо всех сил выталкивали воздух через гортань, связки вибрировали от напряжения, слезы выступили из-под закрытых ресниц... Но ни единого звука не было слышно.

– И не надо так орать... – спокойно отозвался бестелесный голос.

Я умолк, выдохнув весь запас воздуха, и открыл глаза. Злата все так же отрешенно шарилась по своему горлу искалеченной рукой, а рядом со столбом стояла невысокая, одетая в черное фигура. Я мгновенно узнал беля Озема.

Он усмехнулся, обнажив длинные белоснежные клыки, и ухмылка не сползала с его лица, а лишь начала неуловимо трансформироваться, превращаясь постепенно в звериный

оскал. Вместе с этим превращением лица в морду его черное тело, согнувшись, прикикло к земле, а затем распласталось над ним. Развевающаяся одежда постепенно облепила тело, став черным поблескивающим мехом, а немигающие глаза, округлившись, зажглись переливавшейся желтизной. И наконец, мягко ступая по темному склону холма, мне навстречу шагнула изысканная черная пантера.

Гигантская кошка дважды судорожно ударила себя по бокам длинным хвостом, а следом за этим могучее черное тело одним плавным движением отделилось от земли и ринулось на меня. Прыжок пантеры был могуч и неостановим, но мои руки снова оказались достаточно быстрыми. Светлая сталь с тонким свистом разрезала воздух и обрушилась на летящее в мою сторону тело. В последний момент хищнику удалось, невероятно извернувшись, слегка изменить траекторию полета, и этого оказалось достаточно, чтобы удар, казавшийся смертельным, пришелся вскользь. Лезвие срезало большой лоскут шкуры. Завизжавшее тело откатилось в сторону, а кусок черной лоснящейся шерсти тяжело накрыл мое лицо, залепив глаза, нос и рот. Я мгновенно стал задыхаться. Уронив меч, я принялся отдирать от лица эту жуткую шкуру, но у меня ничего не получалось. Казалось, она прирастает к моему лицу, как сплошная непроницаемая маска.

Из последних сил, ломая ногти и обдирая с лица собственную кожу, я рванул черную шкуру и...

Проснулся...

Я лежал на жестком топчане в своей келье на полигоне, уткнувшись лицом в стриженую овчину старого тулупа. Забитые его шерстью нос и рот с трудом вдыхали неповторимый аромат. Оказалось, что после шестнадцати часов каторжной работы я свалился без сил и проспал четырнадцать часов подряд.

Если учесть, что последнее время я не спал больше трех-четырех часов в сутки, это покажется много. Но, принимая во внимание то, что мне пришлось просмотреть три свихнувшихся камня да еще внимательно проштудировать достаточно объемные записи, получится, что я очень быстро восстановил свои совершенно угасшие силы.

Поднявшись со своего аскетичного ложа, я подумал о том, что оно совершенно не годится для того, чтобы проводить на нем больше обычного времени. При более длительном отдыхе, как я смог убедиться, все тело затекало и переставало подчиняться своему владельцу. «А может быть, ты просто стареешь?..» – мелькнула в голове игровая мысль.

Однако холодный душ и яростное растирание грубым полотенцем быстро вернули телу привычную гибкость, а мыслям правильное направление. Я чувствовал, что готов встретиться со своим наставником и задать ему несколько серьезных вопросов.

Накинув свою серую одежду, я подошел к двери своего апартаментов, и тут мне в голову пришла странная мысль. Именно эта мысль остановила мою руку, уже готовую взяться за дверную скобу. Я вернулся назад и, присев к столу, положил перед собой чистый лист бумаги и достал свой любимый «паркер».

Я писал быстро и не особо задумываясь о стиле. Закончив, я отложил перо и внимательно прочитал то, что у меня получилось.

1. Илья Милин, сирота, в возрасте двадцати шести лет повстречал в московском метро незнакомого деда, который дал ему почитать книгу. Эта книга перенесла сознание Ильи в неизвестный мир (?), где он находился в чужом мертвом теле в течение пяти дней. Сон, бред, наваждение, галлюцинации (???). После своего пробуждения (?) Илья обнаружил, что отсутствовал дома в течение тех же пяти суток, причем на работе об его отсутствии было договорено. В результате этого приключения (?) Илья обнаружил в себе магические способности и был произведен в ученики чародея.

2. Спустя четыре с небольшим года Илья Милин, пытаясь спасти сына своих друзей, восьмилетнего Данилу Воронина, вынужденно совершил переход в другой Мир. Пытаясь

найти дорогу назад, он обратился к властителю этого Мира, имевшему титул «Многоликий». В замке Многоликого Илья познакомился со странными артефактами, называвшимися «свихнувшиеся камни». Эти камни при определенных условиях показывали сцену встречи двоих мужчин, называвших себя по-разному (чаще всего Ариман и Ахурамазда). Из показанного свихнувшимися камнями можно было сделать вывод, что Мир, в котором находились камни, и Земля неким образом связаны, что в значительной мере отклоняет их развитие от нормального, лишая Землю магии, а Разделенный Мир – технического прогресса. Кроме того, становится ясно, что эту связь можно разорвать с помощью двух клинков и книги, содержащей некую Фугу для двух Миров, двух Клинков и одного Магистра. Принесенные из Разделенного Мира свихнувшиеся камни вместе с собственным отчетом передаются Ильей Высшему магическому Совету для исследования.

Примечание: и в первом, и во втором случае Илья сталкивается со слухами о существовании некоего Серого Магистра, имеющего какой-то особый, необыкновенный статус в Разделенном Мире.

3. Высший Совет организует несколько экспедиций в Разделенный Мир, пытаясь отыскать необходимые артефакты (меч с кинжалом и книгу). Поисковики работают парами, при этом каждая пара находится в Разделенном Мире около двух лет. (Время в Разделенном Мире идет несколько быстрее, так что общая продолжительность исследований там составила около сорока лет.) До последнего времени артефакты были не найдены. Последняя экспедиция, возглавляемая магистром общей магии Лисцовым, ушла в Разделенный Мир около трех недель назад, причем поисковики были отправлены поодиночке (?). В результате один из поисковиков – Злата – была обвинена в попытке выкрасть несколько книг из хранилища Великого ханифа ханифата Ариам и сожжена на костре в столице ханифата. Магистр Лисцов в результате магического поединка с Главным хранителем трона ханифата президентом магической Лиги белем Оземом лишился памяти и рассудка. Он был доставлен назад третьим участником экспедиции Машей Еланиной, которой удалось также принести и личный дневник погибшей Златы.

4. Сейчас Высший Совет предлагает Илье Милину возглавить следующую экспедицию в Разделенный Мир. Задача – найти два клинка и книгу, содержащую Фугу.

Немного подумав, я приписал: «...и выяснить, кто такой Серый Магистр!»

Затем я откинулся на спинку кресла и задумался. И чем больше я размышлял над написанным, тем меньше мне все это нравилось. У меня возникало стойкое ощущение, что с самой моей встречи с дедом Антипом мной кто-то манипулирует, подсовывая не только странные ситуации, но и выходы из них. Вот только я никак не мог понять, кто это мог быть.

Я снова перевел взгляд на исписанный листочек. Он белел на голой сосновой столешнице, вызывая непонятное мне самому раздражение. Я непроизвольно скривил губы и зло плюнул на лист. Он тут же вспыхнул и через секунду исчез, не оставив после себя даже намека на след. Только вопросы остались, и их нельзя было уничтожить с такой же легкостью! Их можно было только решить!

Я поднялся из-за стола и отправился к своему наставнику.

Надо сказать, что дед Антип очень удивился, увидев меня в своих апартаментах уже на второе утро после нашего памятного разговора, но виду не подал. А я, едва войдя к нему в келью, начал с места в карьер:

– Просмотрел я все, что ты мне передал, и у меня, естественно, возникло несколько вопросов.

Но Антип не торопился начинать разговор. Он молча подвинул мне стул, а сам вышел и через несколько минут вернулся с большим, утробно булькающим самоваром. Затем он принес поднос с чашками, сахарницей, молочником и блюдом всяческого печева. Понимая, что разговор будет длинным и «горячим», дед к нему обстоятельно готовился.

Уставив снедью свой небольшой столик, Антип сотворил заклинание, прикрыв свою келью магическим щитом, чтобы нам никто не мешал, и только после этого присел к столу и, наливая в чашки столь любимый им «Ахмат», спокойно проговорил:

– Я уже обещал ответить на все твои вопросы... Так что можешь начинать.

Но теперь уже я и сам не торопился. Творческий подход Антипа к беседе дал мне возможность получше сосредоточиться и несколько перестроить подготовленный план разговора. Я принял горячую чашку, бросил в нее два куса сахара, по-бурятски влил толику молока и, выбрав ватрушку посолиднее, принялся прихлебывать сладкий горячий напиток.

Только дождавшись, когда Антип также примется за чай, я задал свой первый вопрос:

– Я так понял, что до группы Лисцова в Разделенный Мир ходили парами. Почему его девочки шли без подстраховки?

Антип по своей привычке отвечал неторопливо, тщательно подбирая слова:

– Лисий Хвост сумел убедить Совет, что его людям совершенно ничего не угрожает, а если они пойдут парами, то вызовут гораздо больший интерес местного населения. Он, кстати, все время напоминал, какой ажиотаж вызвало там твое появление с Данилой. Мы действительно считали, что им ничего не угрожает. Ну, пожалуй, кроме Машеньки. Она все-таки отправлялась в действующую армию... в толпу достаточно агрессивных мужиков... Это уже потом мы поняли, что Лисцов собирался осесть в одном из монастырей для «постижения Сути» и поэтому не желал, чтобы кто-то наблюдал за его действиями.

– Как я понял, до группы Лисцова во всех этих местах уже побывали наши люди. Они что, действительно не заметили странного положения с магией в герцогстве Вудлока и явного нашего врага в Великом ханифате.

– Люди там, конечно, были, но очень короткое время, – начал дед Антип, но, заметив мой вопросительный взгляд, пояснил: – Видишь ли, те Границы, которые, прошу прощения за тавтологию, разделяют части Разделенного Мира, для нас Границами не являются. Тайная тропа практически любого нашего мага совершенно спокойно проходит через эти Границы. Более того, мы можем пересечь их и просто пешком или на лошадях. Только местные жители теряют на Границах направление и ориентиры так, что в лучшем случае возвращаются назад.

Так вот, один из твоих предшественников, оказавшись в герцогстве и встретившись с практически полным отсутствием магии, решил, что это какой-то местный феномен и что герцог пытается с этим феноменом бороться. А проверить эту, ни на чем не основанную догадку никто не удосужился... А вот с белем Оземом все гораздо сложнее. Я сам с ним встречался... Именно я, когда узнал, что во дворце Великого ханифа имеется огромная библиотека, договорился с Главным хранителем трона, что он возьмет к себе умненькую грамотную девочку. Правда, я подумывал послать к нему Машу. Но Лисцов убедил Совет направить туда Златку. – Здесь его голос предательски дрогнул, и я понял, как тяжело дед переживает гибель своей воспитанницы.

– Слушай? А откуда в том дупле оказалась эта замечательная сережка? И каким образом ты догадался, что Маше она будет так необходима? – попытался я отвлечь его от воспоминаний о Злате.

Антип невесело усмехнулся.

– Чистейшая случайность... Наш предыдущий посланец оставил в дупле универсальный прерыватель магии для себя, рассчитывая туда вернуться. Но это ему не удалось. Я вспомнил об этой вещичке и порекомендовал Машеньке ее найти. Просто так, на всякий случай... И вещь-то слабая, не может противостоять заклинанию, просто частично прерывает его действие, а поди ж ты...

– Слушай, дед, – приступил я к серьезному разговору, – неужели Совет действительно считал возможным именно таким образом разыскивать это оружие и книгу? И зачем? Что он, собственно, собирается с ними делать?

Антип принялся задумчиво крошить свою булку и только через несколько долгих секунд ответил:

– Ты понимаешь, большинство членов Совета вообще не верят в существование этих предметов. Кроме того, эти твои мифические персонажи – Ахурамазда и Ариман – вели разговор о какой-то Фуге, которую необходимо сыграть до конца. А fuga, как ты сам знаешь, музыкальное произведение и к книге никакого отношения иметь не может... В общем, никто пока не может связать упомянутые артефакты между собой и с той историей, которую показывают твои свихнувшиеся камни. Поэтому Совет решил, что нужно найти эти предметы, а уж потом разбираться, как они связаны между собой и как действуют.

– Интересные решения принимает наш высокоученый Совет! – зло съязвил я. – Не знают, что это такое, не знают, как действует, не знают, зачем, но все равно найти и представить ему на обозрение. А там разберемся! Да, может быть, эти вещи из Разделенного Мира и вынести-то невозможно... или нельзя?! Это в головы членов Совета не приходит?

– Эх, Илюша!.. – Антип каким-то тоскливым взглядом посмотрел мне в лицо. – Предположить можно что угодно... Только времени у нас совсем не осталось!..

– Что значит не осталось? – переспросил я, буквально выбитый из колеи странной интонацией своего, обычно совершенно невозмутимого, учителя.

– То и значит... Ты помнишь, что говорит этот твой Ахурамазда по поводу войн в техническом мире, то есть у нас, на Земле?.. Я тебе напомним! «...войны мира Срединного моря, надеюсь, не успеют достичь необратимой, всеуничтожающей мощи, пока не будет сыграна до конца моя Фуга...»

Так вот, Совет боится... очень боится, что эти «войны» уже достигли «всеуничтожающей мощи» и что такая всеуничтожающая война вот-вот разразится!

– Между кем и кем? – иронично, но с внутренней дрожью спросил я.

Тут Антип посмотрел на меня как на несовершеннолетнего недоумка, достойного жалости.

– Между страной, в избытке владеющей оружием массового поражения и потому считающей себя вправе указывать всем как жить, и, возможно, всем остальным миром, которому надоело ходить на «цырлах» перед наглецами, вообразившими себя властелинами Мира! И можешь мне поверить: такой конфликт не просто возможен, он неотвратим и необычайно близок!

Дед Антип настолько обреченно смотрел в мои глаза, что я поневоле отвел взгляд и растерянно протянул:

– Вот оно что!..

Антип с шумом отхлебнул из своей чашки и продолжил несколько спокойнее:

– Я практически настоял на том, чтобы послать в Разделенный Мир тебя. Мне почему-то кажется, что именно ты сможешь разобраться с этими мечами, кинжалами и книгами... Не знаю, откуда эта уверенность, но мне кажется, что тебе... что тебе там просто невероятно везет...

Он снова взглянул мне в глаза, и я почти уловил в его зрачках прежнюю Антипову смешинку. Я понял, что дед не «практически настоял» на моей командировке, он просто взял на себя ответственность за этот выбор, а Совет привык считаться с его категоричным мнением. Значит, теперь я должен был оправдать его доверие. Вот так!

Но тогда у меня оставались только практические вопросы.

– Лисцова не пробовали вывести из его... состояния?

– Там и пробовать нечего. Это довольно сложно и... опасно, но вполне выполнимо. Только стоило нам выдернуть его из этого... глаза Вечности, как он тут же попытался повеситься. Пришлось сразу свернуть нейтрализующие заклинания... Он, видимо, приходя в себя, сразу вспоминает, что по его милости произошло со Златой, ну и...

– Значит, поговорить с ним не удастся?..

– Нет, не удастся... – согласился Антип. – А что тебя, собственно говоря, интересует?

– Понимаешь, мне почему-то кажется, что начало пути Серого Магистра лежит в Тань-Шао. Да что там – кажется. Кира, настоятель Поднебесного, практически, прямо говорит, что они ожидают прихода Серого Магистра. Вот только зачем... Вообще Лисий Хвост настолько был поглощен своим желанием приобщиться к Сути, что прошел мимо просто очевидных вещей...

– Я тоже считаю, что начинать надо с горной страны. Все тамошние мороки начались у Лисьего Хвоста только потому, что он, назвавшись Серым Магистром, повел себя совершенно неправильно...

– Назвавшись?.. – медленно протянул я. – А может быть, все это произошло с ним потому, что он был не тем, кем надо?..

– Ты хочешь сказать, что Серый Магистр – это не просто имя?! – несколько удивленно произнес Антип.

– Да. Мне кажется, Машенька была совершенно права, когда говорила перед уходом в Разделенный Мир, что задачу эту может решить только и именно Серый Магистр. Вот только кто он такой?

И тут Антип усмехнулся совершенно как прежде.

– А ты знаешь, что на полигоне тебя за глаза почти все зовут Серым магом?

– Да? – удивился я. – Ни разу не слышал...

– Я же тебе говорю – за глаза...

– Может, из-за моей манеры одеваться. – Я кивнул на свой свободный, темно-серого цвета комбинезон и такую же накидку с капюшоном.

– Вряд ли, – задумчиво протянул учитель. – И вообще, я заметил, что прозвища имеют гораздо более глубокий смысл, чем их кажущиеся причины...

– Ладно!.. – Разговор пора было заканчивать. Я уже понял, почему именно меня посылают в Разделенный Мир. Оставалось только уточнить детали. – Совет, наверное, уже наметил какой-нибудь план кампании?

– Только в общих чертах, – сразу стал серьезным Антип. – Идет группа из шести человек парами. Ты за старшего. Четверо твоих спутников уже подобраны. Очень просится Машенька, но есть серьезные сомнения в целесообразности ее выхода... Ну может быть, только в паре с тобой... – задумчиво добавил дед.

Я долго смотрел на него, словно собираясь с силами, а потом тихо, но твердо сказал:

– Я пойду один. И больше не надо никого туда пускать, пока я не вернусь... или меня не вернут...

– Но если с тобой что-то случится? – резко возразил Антип. – Мы даже не узнаем, где ты и какая тебе нужна помощь!..

– Если со мной случится что-то такое, после чего я не смогу сам себя контролировать, меня выбросит обратно сюда. Ну скажем, в район Садового кольца Москвы. Ты сможешь организовать контроль за появлением в городе граждан в бессознательном состоянии?

Я улыбался, а Антип смотрел на меня как на сумасшедшего.

– И не надо так меня жалеть... – усмехнулся я. – Заклятье простенькое и вполне безобидное. Если мне будет угрожать серьезная, не контролируемая мною опасность, я окажусь в родном городе, где, надеюсь, меня уже будут поджидать. Это гораздо проще и безопаснее, чем посылать в Разделенный Мир целую шайку магов, которым не терпится совершить подвиг...

– Не знаю, как на это посмотрит Совет, – с сомнением пробормотал Антип.

– Совет должен согласиться. Иначе ему придется искать другого руководителя поиска. Я не намерен подвергать жизнь немногочисленных наделенных Даром землян смертельной опасности. Или Совет уже забыл Злату?!

Я намеренно так больно ударил Антипа, надеясь сделать из него своего союзника, и, видимо, добился желаемого.

– Я постараюсь убедить членов Совета, – угрюмо проговорил он.

– И последнее... – сказал я, поднимаясь со стула. – Я не нашел этих данных в папке. Никто из этих самозванных Серых не пробовал пообщаться с Задумчивым Ползуном?

И тут мой Учитель усмехнулся как-то уж больно зло.

– Четверо! В том числе и я сам.

Я продолжал вопросительно глядеть ему в глаза.

– Никому не удалось его остановить! И никто его не слышал. Если верить твоему докладу, получается, что ты единственный, кому удалось с ним пообщаться...

– А с Многоликим кто-нибудь встречался? – Вопрос к делу не относился, но я задал его непроизвольно.

– Нет. Это не имело смысла, а Ползун путешествует по довольно безлюдным местам. Так что обошлось без встреч...

Я понятиливо кивнул головой.

– Ну тогда я послезавтра вечером и отправлюсь. Сегодня я вернусь в Москву, надо все-таки с семьей повидаться. – Я состроил извиняющуюся улыбку. – А то сын уже скоро узнавать перестанет.

На этом наш разговор и завершился. Через четыре часа мы вместе вылетели в Москву. Конечно, можно было бы уйти в Москву Серой тропой, но этот путь, хоть и был значительно быстрее, требовал такой отдачи энергии, что без крайней необходимости я бы на это не решился. В Домодедове мы с Антипом расстались. Дед поехал в свою очень серьезную контору, а я направился домой. Там меня уже давно и с нетерпением ждали. Правда, Людмила была еще на работе, зато Володька из школы уже вернулся и под руководством бабушки выполнял домашние задания. Так что мы вдоволь навизжались. А вот в спальне, куда я направился переодеться и прихватить смену белья, меня поджидал Егорыч.

Мой домовый ангел-хранитель только посмотрел на меня и тут же вывел правильный диагноз:

– Ты куда это собрался?..

– В ванну... – попытался я уклониться от долгих объяснений, но Егорыча просто так с темы не собьешь.

– А после ванны, послезавтра?..

– Ты что, все мои разговоры подслушиваешь?..

– И подслушивать нечего, у тебя все на лбу написано...

– Что написано?.. – Я чисто машинально провел рукой по лбу.

– Все!.. И не пытайся затереть... Давай говори, куда послезавтра уходишь?

И присел рядом с домовым на постель.

– Придется мне, Егорыч, еще разок через Переход смотаться... – как можно беззаботнее проговорил я.

Но его чутье мне обмануть никогда не удавалось. Домовой встал на кровати во весь свой маленький рост и внушительно произнес:

– Обязательно до этого встретиться с Данилой!..

Следом за этим коротким наставлением он развернулся и, не развивая темы, удалился прямо сквозь стену в проходящую за ней вентиляционную шахту.

А я прошел в ванную комнату смывать с себя пыль дальних стран.

Когда я появился из ванной, Людмилушка уже была дома. Моя главная драгоценность уже шесть лет работала нотариусом и была в своем деле довольно известным специалистом. Но именно это задерживало ее на работе на совершенно неопределенное время. Так что мне еще повезло. Правда, и сам я был хорош. Во-первых, я очень часто отлучался на полигон и проводил там довольно много времени, во-вторых, все чаще мне приходилось выезжать за рубеж, также по своим колдовским делам. Сейчас, припоминая свои последние поездки, я неожиданно понял, что Антип совершенно прав в оценке международной ситуации. В общем, мы с женой были рядом гораздо меньше времени, чем нам хотелось бы. А еще нам хотелось бы завести дочь, но мы все никак не могли выбрать для этого время.

Спать мы легли, естественно, пораньше, а заснули, естественно, довольно поздно. Я сразу рассказал ей, что собираюсь в Разделенный Мир и что не знаю, когда вернусь, и моя лучшая половина восприняла это известие довольно стойко.

– Я знала, за кого выхожу замуж... – только и сказала она. Ни слез, ни упреков.

Но в общем-то все это по большому счету для моей истории не важно. А важно то, что на следующее утро – Людмила еще даже на работу не ушла – к нам появился Данилка.

Из маленького шустрого мальчишки он превратился в высокого симпатичного парня. Свои голубые простодушные глаза он прятал за стеклами темных очков, но мягкий уступчивый характер спрятать ему было гораздо сложнее. И этим вовсю пользовались его многочисленные друзья и знакомые. Единственно в чем он был тверд, это в использовании своего Дара. Еще никому не удалось уговорить его без веской причины заняться предсказанием будущего.

Однако в этот раз стоило ему войти в дверь нашей квартиры, как я сразу понял, что Егорыч на меня накапал.

Данила старался казаться веселым и раскованным, но притворяться он не умел, и его тревога буквально была написана у него на лице. К тому же я сразу почувствовал, как он попробовал незаметно поворочить. Я взял его под руку и негромко попросил:

– Давай-ка мы твои исследования отложим немного. Вот сейчас позавтракаем, тетя Люда нас покинет, и тогда ты вволю попрактикуешься...

Он смутился, как нашкодивший мальчишка, и с облегчением кивнул.

Мы спокойно позавтракали. Затем я проводил своих родных на работу, в школу и на рынок, и мы с Данилой остались вдвоем на кухне. Больше нам ничто не мешало, поэтому Данила спросил в лоб:

– Дядя Илья, это правда, что ты в Разделенный Мир уходишь?

– Да, – ответил я так же прямо.

– Возьми меня с собой... – В его глазах зажглась мольба, хотя он прекрасно меня знал и ни на что не рассчитывал.

– Нет, Данилушка, это исключено. Тебе вообще-то даже знать об этом не положено.

Он тяжело, но понимающе вздохнул.

– Тогда я хоть посмотрю, что тебя ждет?..

– Ну, посмотри, – нехотя согласился я. Я вообще не люблю предсказания и предсказателей, за исключением, конечно, Данилы. Все эти экскурсии в будущее мало что давали в практической деятельности, а рассказы о том, чего следует ожидать, бывали весьма расплывчаты и многосмысленны.

Давно прошло то время, когда Даниле снились вещие сны. Впрочем, может быть, они ему снились по-прежнему, только теперь он вполне освоился со своим Даром и мог использовать его уже по своему усмотрению. Так что мне не пришлось ждать, когда ему приснится сон. Данилка просто налил из остывшего чайника чашку воды, накапал в нее из принесенного с собой пузыречка несколько капель прозрачной жидкости и мелкими глотками выпил эту воду.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем его лицо застыло, словно восковая маска, глаза широко раскрылись, зрачки расширились, и он, деревянно повернувшись на своем стуле, уставился своим застывшим взглядом мне в лицо. Несколько секунд он не отрываясь вглядывался в мои глаза, а потом начал говорить. Фразы нехотя сползали с его языка, как будто он не желал произносить того, что видел. Но Дар должен был выплеснуться, поэтому его голос звучал ровно, без каких-либо эмоций, только постепенно затихая, будто бы его гортань уставала выталкивать слова.

– Будет безумие и будет забвение... Будет кровь и будут слезы... Будут встречи и будут прощания... Ты встаешь на Путь, который станет для тебя последним... который станет для тебя главным... который станет для тебя Крестным... Будет потеря... Потеря большая... Потеря невозполнимая... Потеря самого себя... Но пройти этот Путь до конца можешь только ты...

На этих словах голос его совсем затих, глаза закрылись, весь он как-то обмяк и начал валиться со стула на пол. Я успел подскочить к нему и поддержать падающее тело. Приняв потерявшего сознание Данилу на руки, я поднял его и с трудом – он все-таки был здоровым парнем – потащил в гостиную на диван. Когда же я уложил его, он, не открывая глаз и не приходя в себя, неожиданно еле слышно прошептал:

– Берегись темного клинка.

После этого, судя по его ровному дыханию, он уснул.

Я почесал в затылке и пошел собираться в дорогу. Уходить я намеревался на следующий день к вечеру, но подготовить все надо было сейчас. Сегодняшний вечер я хотел полностью посвятить семье, завтра с утра надо было добираться до перехода.

Я снял с ковра, висевшего на стене гостиной, свое оружие – шпагу, подарок старого Навона, дагу, выращенную Опиным, и две пары отличных метательных ножей. Положив оружие на стол, я сходил к встроенному шкафу и принес небольшой кожаный мешочек с двумя десятками ограненных камней. Из имеющегося опыта я знал, что камешки – самая ходовая валюта там, куда я собирался. К этому я прибавил еще запасной комплект своей любимой серой одежды, старую палатку и еще кое-какие припасы. Затем, убедившись, что Данила спокойно спит, я принялся составлять заклинание тайного мешка.

Заклинание это довольно простое, но уж очень муторное. В нем заложено такое неприятное чередование звуков, что произносить его порой просто противно. Да и шесть согласных подряд выговариваются достаточно сложно. В общем, возни с этим наговором много. Но зато и польза большая. Если с этим не для русского языка бормотанием получается все правильно, возле тебя образуется такой пространственный мешок или карман, в который можно спрятать все что угодно. Получается, что и руки свободны, и все необходимое под рукой, хотя его и не видно, и голова не занята вопросом, куда девать и как сохранить свое имущество. И, что самое важное, чувствует этот карман только его владелец, так что карманников можно не опасаться.

Повозившись минут двадцать, мне удалось как надо произнести это заклинание и получить в свое распоряжение требуемое. Я аккуратно уложил свое имущество в карман. Со стороны этот процесс должен был выглядеть очень интересно. Представьте, человек берет довольно длинную шпагу в ножнах и острым концом вперед опускает ее перед собой. И эта шпага примерно на уровне его груди начинает растворяться в воздухе. Забавно?!

В общем, через час я закончил свои сборы. Данила еще спал, совсем по-детски посапывая носом. Я присел рядом с ним и принялся размышлять над его предсказанием.

Ну, то, что впереди меня ожидали кровь, слезы, встречи и расставания, – это для меня ни новостью, ни неожиданностью не было. То, что он назвал предстоящий мне путь последним и Крестным, настораживало, но казалось все-таки некоей, мало значащей, литературной метафорой. Так же, впрочем, как и «потеря самого себя». Безумие и забвение... Хм...

Ну это еще надо посмотреть, у кого они будут... Единственно, к чему стоило прислушаться и попробовать как следует осмыслить, было заявление, что этот путь могу пройти только я, ну и, конечно, последнее предупреждение. Вот это конкретно и предметно – «Берегись темного клинка!», вот за это спасибо – поберегусь.

Данила зашевелился на своем диване и открыл глаза.

– Много я чего наговорил? – пробормотал он, еще не до конца придя в себя.

– Да нет, не так уж... – с улыбкой успокоил я его.

– Что-нибудь серьезное я увидел? – Он был явно очень озабочен содержанием своего предсказания.

– Трудно сказать... – слегка замялся я, а потом просто повторил его пророческую речь.

Данила задумался и через тройку минут медленно проговорил:

– Да, не густо. Но самое главное – ты вернешься назад...

– Да? И откуда это следует?.. – Я не мог скрыть своего сарказма.

– Если бы это было не так, я бы сообщил, что ты погибнешь, – совершенно спокойно ответил юный прорицатель.

– Ну что ж, и на том спасибо... – попытался я закрыть неприятную тему.

– Вот только – «потеря самого себя». – Мой юный друг не желал оставлять профессиональный разбор своих предсказаний. – Это может быть потерей памяти или вообще – безумием...

– Ого! Утешил!.. – Я уже почти кричал, и мой соратник по магии наконец обратил внимание на мое нервное состояние.

– Ну да это ничего... Это дело поправимое... – неуклюже попытался он утешить меня, но под моим разъяренным взглядом замолчал. Я уже совсем собрался высказать юному дарованию, что думаю по поводу всевозможных предсказаний, а также недоученных предсказателей и озабоченных домовых, но в этот момент раздался звонок в дверь. Это пришел из школы Володька.

Данила, помявшись, собрался бежать домой, но я понял, что домой ему совсем не хочется, да и злость с меня уже сошла, потому мы уговорили его никуда не уходить, а после обеда отправиться всем вместе в кино. Именно так мы и поступили.

Вечером, проводив Данилу и вернувшись домой, мы с сыном сделали уроки и я сам, лично, уложил его спать. Потом мы долго разговаривали с Людмилой и ее мамой, Любовью Алексеевной.

И уже совсем за полночь состоялся недлинный разговор с Егорычем.

Он, по своему обыкновению, ожидал меня сидя на кровати в спальне. Пока моя драгоценная принимала ванну, Егорыч долго смотрел на меня странно грустным взглядом, а я почему-то молчал, совершенно не зная, как начать разговор. Потом домовый с тихим вздохом поднялся на ноги и произнес:

– Ты давай возвращайся... Мы тебя очень ждать будем... – Он помолчал и добавил: – Какой хочешь, только возвращайся...

Он шмыгнул толстым носом и полез в свою вентиляционную шахту. А я так и не смог выдавить из себя ни единого слова.

Не простился я только с Ванькой. Постаревший кот переехал на природу – на дачу к Ворониным, где его лучшим другом стал огромный нестареющий пес, помесь ньюфаундленда и кавказской овчарки. Юркина дача уже больше десяти лет стояла практически пустой, но все знали, что заходить к жившему там псу и недавно появившемуся коту не стоит. С незванным гостем может приключиться какое-нибудь несчастье.

Рано утром, когда мои дорогие еще спали, Любовь Алексеевна накормила меня завтраком и я прямо из своей прихожей, пробормотав часто повторяемое заклинание, вступил на свою Серую тропу, которая повела меня к месту перехода.

Наверное, именно в этот момент я и вступил на свой Путь.

1. СЧАСТЬЕ ВЕЛИКОГО ХАНИФАТА

30 октября 20... года. Тот, кто читал сказки «Тысячи и одной ночи», а потом побывал на Ближнем Востоке, прекрасно понимает, насколько действительность отличается от сказки и насколько у европейцев неверное представление об этой сказочной стране... Об этом сказочном Мире...

Я не лукавил, когда говорил деду Антипу, что считаю необходимым начинать свою разведку с монастырей Тань-Шао. На мой взгляд, действительно именно там должен был бы начаться Путь Серого Магистра. Ведь для чего-то настоятели монастырей ожидали его, и ожидали не один век. Но свое путешествие в Разделенный Мир я все-таки решил начать с Великого ханифата Ариам. Нет, я совершенно не собирался мстить Главному хранителю трона, белю Озему, за смерть Златы, просто меня очень заинтересовала книга, которую пыталась вынести наша бедная девочка. Что она в ней нашла?

Книга внешне действительно очень напоминала ту, в которой писал Ахурамазда, когда мне его первый раз показал Многоликий с помощью свихнувшегося камня. Только что-то подсказывало мне, что это другой фолиант. И все-таки неспроста белю Озем так бережет эту книжечку, что даже наложил на нее несколько охранных заклятий. А в том, что это сделал именно белю Озем, я совершенно не сомневался.

Таким образом, встав на свою Серую тропу, я через несколько минут оказался на стрелке при впадении реки Протвы в реку Оку, недалеко от славного города Серпухова. Именно здесь, в небольшом сосновом лесочке, недалеко от маленькой деревни Гурьево, находился переход, которым воспользовалась три недели назад наша маленькая Злата.

В песке между небольших кривоватых сосенок отыскать переход было практически невозможно, но я точно знал ориентиры. Так что очень скоро стоял перед зеленовато светящейся ниточкой, слегка припорошенной песочком, и читал необходимое заклинание. Когда я шагнул через зелененькую границу, вокруг ничего не изменилось, только гул недалекого шоссе моментально стих. Зато зазвучал птичий щебет. Вот так буднично я оказался на этот раз в Разделенном Мире.

Путь мой лежал на юг, к столице Великого ханифата. Прикинув по солнцу направление, я не спеша двинулся вперед. К сожалению, я не мог встать на Серую тропу. Просто потому, что не знал точно, где находится место, к которому я направлялся. Так что приходилось добираться пешком. Правда, мне было известно, что Злата от перехода до города добиралась около четырех часов.

Довольно скоро тот чахлый лесок, в котором я совершил переход, кончился. Я вышел на открытое пространство холмистой равнины, лишенной растительности и большей частью покрытой песком. Лишь кое-где из-под наносного песка выступали небольшие языки серой земли, покрытой чахлыми кустиками сероватой травки, или огромные каменные глыбы со скругленными, отшлифованными ветрами и песком краями.

Я взобрался на ближайший холм, увенчанный сероватой гранитной глыбой, и осмотрел окрестности. Вокруг было пусто, только далеко на горизонте еле заметно двигалось несколько темных точек. Караван. И тут мне пришло в голову, что идти вместе с караваном удобнее и проще, вот только как к нему присоединиться. Появление одинокого путника в глубине пустынной территории труднообъяснимо и довольно подозрительно. Пока что ничего путного мне в голову не приходило, но держаться поближе к каравану я счел целесообразным. Прикинув расстояние и направление, я снова произнес заклинание и окунулся в легкий

туман Серой тропы. Через минуту туман рассеялся, и я увидел караван впереди себя всего в каких-нибудь пяти сотнях метров. Накинув пелену, я двинулся следом за караваном, ступая по истоптанному копытами и перевероченному колесами песку караванной дороги.

Я был привычен к пешим путешествиям, да вдобавок шел налегке, поскольку моя поклажа нисколько меня не обременяла. Видимо, поэтому я постепенно нагонял караван. Уже был слышен монотонный безрадостно дребезжащий перезвон ботал на шеях выючных животных, напоминавших наших верблюдов, только без горбов, крики и разговоры погонщиков, скрип плохо смазанных тележных колес. Караван был небольшой – около тридцати животных и не более пятидесяти человек, из которых с десятков женщин, шесть-семь повозок. Была в нем и охрана. Насколько я смог заметить, десятка полтора различного возраста мужчин были вооружены длинными копьями, а на поясах у них висели разнокалиберные клинки, в основном кривые узкие сабли.

Так мы прошли часа два, и я уже начал сомневаться в том, что караван движется в нужном мне направлении. За это время характер дороги не изменился, она оставалась такой же однообразной, безлюдной и песчаной, хотя по моим расчетам мы уже должны были приближаться к столице ханифата. Именно в этот момент впереди показался, как бы его назвать... оазис что ли... В общем, впереди на дороге замаячили какие-то невысокие и не слишком густые заросли, от которых потянуло влажной свежестью.

Караван прибавил ходу, намереваясь, видимо, устроить возле воды привал, и через несколько минут первые животные уже входили в уютную ложину, образованную склонами двух невысоких холмов, покрытых курчавыми кустиками и невысокими деревцами. Скоро и я, следом за караваном, подошел к входу в ложину. Но едва мои ноги ступили в тень первых деревьев, впереди внезапно раздался рев десятка плоток, а через мгновение – яростный звон стали. Я бегом припустился вперед и почти сразу же выскочил на довольно большую поляну, посреди которой и был остановлен караван.

Нападение, конечно, было неожиданным, но караванщикам удалось согнать животных в кучу и устроить вокруг них некое подобие круговой обороны. Нападавших было тоже не слишком много – десятка два довольно оборванных молодцев с увесистыми дубинами в руках. Только у некоторых я заметил кое-какие мечи и сабли. Но к несчастью для защитников каравана в числе нападавших находилось трое лучников с вполне приличными луками. Пристроившись в нескольких десятках метров от сбившихся в круг животных, эти ребята под прикрытием двоих, вооруженных саблями товарищей методически расстреливали оборону каравана.

Защищающиеся пробовали использовать большие плетеные щиты, но для того чтобы махать саблями, требовалось определенное пространство, а стоило хоть на мгновение показаться из-за щита, в цель летела стрела. Двое защитников каравана уже были убиты, четверо или пятеро ранены, оставшихся сильно теснили, так что исход схватки был очевиден и скор. И тут в дело ввязался я.

Сбросив пелену и выхватив прямо из воздуха шпагу и дагу, я одним движением рук смахнул ножны с клинков и с криком «Держитесь...» бросился на лучников. Их охрана настолько не ожидала нападения, что явно растерялась. Я уже был совсем рядом, когда один из охранников шагнул мне навстречу, поднимая свой клинок. По тому, как он это сделал, я сразу понял, что фехтовальщик из него аховый. Поэтому я не стал ввязываться в обмен ударами, а просто заехал ему в физиономию эфесом шпаги, одновременно принимая на дагу тупую саблю второго охранника. Первый с глухим хрипом, захлебнувшись в крови, хлынувшей из разбитого носа, рухнул на землю, широко раскинув руки, а второй оторопело уставился на кусок железа, оставшийся у него в руке, после того как выращенный клинок перерубил его оружие словно кусок пластилина. Но его изумление длилось недолго, после

того как я с разворота въехал ему каблуком в висок, он безмолвно повалился рядом со своим товарищем.

Лучники, неожиданно лишившиеся своего прикрытия, испугались. Двое тут же бросили луки и, петляя как зайцы, рванули в сторону зарослей. Третий попытался выстрелить в меня, благо стрела уже лежала у него на тетиве. Но стрелять с поворота и практически не целясь он не умел совершенно. Так что стрела прошла далеко мимо, а сам стрелок, оставив в траве мешающее ему оружие, метнулся вслед за своими товарищами.

В гуще схватки, кипевшей у окруженного каравана, заметили мое появление. Раздался громкий командный выкрик, и из рядов нападающих вывалились трое обнаженных до пояса ребят, вооруженных тяжелыми саблями, и рысью направились в мою сторону. По манере держать свое оружие я понял, что на этот раз мне достались серьезные противники. Не доходя до моей персоны четырех-пяти шагов, нападавшие разошлись в стороны, грамотно охватывая меня полукольцом. А я, прежде чем вступить в схватку с новыми противниками, бросил быстрый взгляд в сторону обороняющегося каравана. Похоже, выбив из драки лучников и оттянув на себя троих солдат, я оказал значительную услугу обороняющимся. Во всяком случае, борьба вокруг караванных животных явно выровнялась, и теперь уже нельзя было сказать, что охрану каравана вот-вот сомнут.

Однако долго рассматривать и анализировать состояние дел на поле битвы мне не дали. Как я и рассчитывал, первым напал верзила, расположившийся в центре. Он с цирковой ловкостью завертел перед собой клинком, пытаясь запутать меня и замаскировать направление атаки. Однако я прекрасно понимал, что его тяжелая, с утолщением на остром конце, сабля мало приспособлена для колющей атаки. Значит, надо было ожидать рубящего удара. Чтобы ускорить его атаку, я сделал короткий шаг вперед, держа оба своих клинка несколько на отлете.

Такое поведение оказалось неожиданным для всей троицы, видимо, обычно противник пытался отступить. Именно из-за этой неожиданности средний саблист поторопился нанести свой коронный рубящий удар, еще не слишком подготовленный. Конец его сабли от левого плеча не слишком точно вписался в дугу поворота для удара сверху и справа. Ему пришлось напрячь кисть для того, чтобы удержать клинок на заданной траектории, что было для меня вполне достаточно.

Тот короткий шаг, которым я спровоцировал атаку противника, позволил мне, плавно продолжив движение, перейти в глубокий выпад. Когда его тяжелый изогнутый клинок завис над моей головой, готовясь всей своей тяжестью и приобретенной инерцией обрушиться вниз, кончик моей длинной шпаги десятью сантиметрами смертельной стали уже вошел в горло нападавшего.

Он всхрипнул, словно загнанная лошадь, рука его разжалась, тяжелая сабля вынырнула из ладони и, кувыркаясь, полетела далеко в сторону. А сам боец, сразу после того как я выдернул свой клинок из его горла, сломался в коленях и ничком рухнул на песок, засучив длинными ногами.

Я не мог выйти из выпада, просто отступив или отскочив назад, так велика была инерция моего броска. Но неожиданность и эффективность моего удара настолько ошеломили двоих оставшихся бандитов, что я успел нырнуть вперед, перекатиться и вскочить на ноги уже за их спинами. Правда, развернулись лицом ко мне они с завидным проворством, но вот уверенности у них значительно поубавилось. Кроме того, на их растерянных лицах теперь отчетливо читались все их последующие действия.

В похолодевших глазах правого плескалась зябкая осторожная готовность перейти в глухую оборону. Он явно собирался насколько можно сдерживать мою слишком быструю для него шпагу, выматывая мои силы, в надежде на помощь основной ватаги. А вот на лице левого проступило отчаяние страшной потери и бесшабашная жажда немедленного крова-

вого удара. Я почувствовал, что он вот-вот бросится на меня, не задумываясь об обороне. И почему-то мне стало жаль этого, еще совсем молодого, паренька.

Резким коротким движением показав, что собираюсь атаковать правого, я не только заставил его сделать два торопливых шага назад, но и ускорил бросок слева. Только я уже ждал этот бросок. Приняв тяжелейший сабельный удар на гарду даги, я отбросил потерявший убойную силу клинок в сторону и с ходу впечатал правое колено бедняге между ног. Может быть, для него удар клинком в незащищенную грудь и был бы желаннее, но я решил его не убивать. Он выронил саблю и, схватившись обеими руками за ушибленное место, с тихим «охом» повалился на землю. Таким образом через пару минут после начала схватки против меня остался один, к тому же очень напуганный, противник.

Он даже не пытался атаковать. Позвякивая концом своей сабли по моему длинному клинку, побледневший бандит торопливо отступал в сторону основной баталии.

И в этот момент из кучи нападающих выскочил огромного роста мужик в рваной ярко-красной рубахе. В руках он держал длинный тяжелый обоюдоострый палаш и короткий широкий нож. Оба клинка были густо залиты кровью. Он что-то громко проорал в сторону основной массы нападавших, и по этому командирскому ору я понял, что вижу главаря банды.

А этот верзила, закончив отдавать приказы, развернулся в мою сторону и в три шага оказался рядом. Оттолкнув моего противника плечом в сторону, он недовольно буркнул:

– Помоги ребятам, этим я сам займусь... – и встал напротив меня.

Мы быстро обменялись звоном соединений – второе, шестое, четвертое, шестое, и верзила сразу попытался увести мой клинок в обволакивание, но я вывернулся, отступив на шаг.

Мой противник довольно улыбнулся, с той минуты, как я появился на этой поляне, меня впервые заставили сделать шаг назад. Предводитель шайки записал это себе в заслугу. Клинки снова запели свою стальную песню, и меня поразило, с какой легкостью он орудует своим тяжеленным палашом, похожим скорее на узкий меч. Кроме того, приходилось постоянно держать в поле зрения его левую, чуть опущенную руку, готовую воткнуть короткий широкий нож мне в живот.

Эту готовность он продемонстрировал уже в следующей фразе.

Коснувшись моей шпаги во втором соединении, он показал атаку в ноги. А когда я опустил клинок, парируя обозначенный удар, он плавным круговым движением перевел клинок и атаковал рубящим ударом сверху. Для этого ему пришлось шагнуть вперед в полувываде, и поэтому левая рука с ножом оказалась как противовес у него за спиной.

Я успел принять падавший палаш на свои скрещенные клинки и в тот же момент почувствовал, как он перенес центр тяжести на обе ноги и его левый кулак с зажатым лезвием стремительно летит в сторону моего совершенно открытого живота. Мгновенно качнувшись влево, я встал с ним почти плечом к плечу, пропуская его широкий нож вдоль собственного тела, и одновременно бросил вниз короткую молнию даги. Мой клинок с противным хрустом вошел в мускулистую руку гиганта, а я тут же развернулся вправо, возвращаясь на прежнее место и проворачивая лезвие в ране.

Мой противник взревел и коротким прыжком рванулся назад. Бросив быстрый взгляд на свою обезоруженную, располованную руку, он смачно плюнул себе под ноги и принял классическую фехтовальную стойку. Но теперь с одним тяжелым и длинным клинком против двух моих у него не было ни одного шанса. Правда, он этого еще не понимал. Элегантно, по всем правилам высокого искусства фехтования, он принял шестую позицию, провел чистый фруассе и направил свой окровавленный палаш вперед, целясь мне в горло. Однако я спокойно поймал его тяжелый клинок дагой, увел его влево, а посланная мной в длинном выпаде шпага вошла ему между ребер точно в сердце.

Он даже не дрогнул, только его глаза коротко блеснули и прикрылись мгновенно побледневшими веками. Гигант молча рухнул на землю.

И в тот же момент его разношерстная банда начала разбегаться. Ни о каком сражении уже не было речи. Ободранные, полуголые мужики, бросая оружие и дубье, бросились в разные стороны, стараясь быстрее скрыться в невысоком, но достаточно густом кустарнике. Правды ради надо сказать, что их даже не пытались преследовать. Ни у охраны каравана, ни у самих караванщиков не было ни желания, ни возможности довершить разгром банды.

Я тщательно вытер оба клинка об одежду одного из убитых бандитов, подобрал ножны и вложил в них оружие, а затем вернул его в свой невидимый походный мешок. Обернувшись, я заметил, что за моими действиями, открыв рот, наблюдает пожилой мужчина с ярко-рыжей, явно крашеной бородой, одетый в роскошный халат и с желтой чалмой на голове. По всей видимости, сразу после того как банда начала разбегаться, он направился ко мне, но, заметив мои странные манипуляции, приостановился.

Заметив, что я обратил на него внимание, этот важный господин захлопнул рот и даже поджал губы, а затем снова двинулся в мою сторону. Подойдя, он степенно поклонился и важно произнес:

– Меня зовут бель Хакум, я – караван-тарши. Назови свое имя, незнакомец, чтобы я мог достойно отблагодарить тебя и рассказать о твоём воинском искусстве своим знакомым и детям.

При этом он продолжал обшаривать мою фигуру глазами в поисках исчезнувшего оружия.

– Я не думаю, что благородный бель удостоит внимания простого странника. – И я склонился в глубоком поклоне. – Но раз ты спросил, я отвечу. Зовут меня Илия, я иду с севера в столицу в надежде вступить в Лигу магов. Я как раз старался догнать твой караван, чтобы попросить разрешения присоединиться к нему. И неожиданно увидел, что на караван напали. Я счел необходимым оказать вам посильную помощь...

– Так ты маг, – сразу оживился бель Хакум, оставляя без внимания мою завуалированную просьбу присоединиться к каравану.

– Я надеюсь, что смогу получить это высокое звание.

– И не надейся!.. – покровительственно махнул рукой бель. – Ты должен знать, что вступить в Лигу может только ученик чародея. А взять ученика чародей может только с разрешения Лиги. Таким образом, Лига заранее знает, кто проходит обучение и может претендовать на звание мага и вступление в Лигу... А ты, как я понял, учеником чародея не состоишь?..

В его вопросе было столько надежды, что я даже удивился. Похоже, уважаемый бель Хакум уже придумал, как меня можно использовать в своем хозяйстве, и теперь старался отговорить меня от моей «мечты».

– Я надеюсь, что когда президент Лиги увидит мое Искусство, он сделает исключение из существующих правил... – Я подпустил в свой голос неуверенности.

– Ты надеешься встретиться с белем Оземом?! – Теперь уже в голосе почтенного хозяина каравана было не удивление, а изумление. Он смотрел на меня как на диковинного нахала.

– Неужели это совершенно невозможно, – в свою очередь изумился я.

– В жизни, конечно, все бывает, – с усмешкой протянул Хакум, – но твоя встреча с Главным хранителем трона более невероятна, чем... возвращение Серого Магистра... – Бель был, похоже, очень доволен найденным им сравнением.

– А кто такой – этот Серый Магистр, и почему он не может вернуться?.. – строил я из себя дикого северянина.

– О! Это был великий маг и чародей... – Бель закатил свои черные глаза и поднял руки вверх, словно обращаясь к Аллаху. – Но он имел несчастье вызвать неудовольствие самого беля Озема, и тот погрузил его в пучину шестого Глаза Вечности. А оттуда возврата нет!..

– Хм... – с сомнением пожал я плечами. – Если человек жив, он может вернуться из самых отдаленных мест.

– Но не из безумия Вечности!.. – пылко возразил Хакум.

– Наверное, ты прав, благородный бель... – согласился я, – но я все-таки собираюсь добраться до столицы, а там уж буду надеяться на свое везение...

– Ну что ж, – будто бы раздумывая над чем-то, проговорил бель, – я могу принять тебя в свой караван. Я видел, как ты обращаешься с оружием, и думаю, что ты справишься с обязанностями охранника. Тем более что в этом бою мы потеряли несколько человек. Правда, мы направляемся в столицу через славный город Харкорум, а это крюк, хотя и не очень большой. Так что решай...

И хитрый караванщик напустил на себя безразличный вид.

Я тоже сделал вид, что раздумываю, хотя про себя уже решил идти с караваном. Бель Хакум производил впечатление бывалого, знающего и говорливого человека, который может при умело построенном разговоре сообщить еще много интересного.

– А как велик твой «не очень большой» крюк?.. – спросил я у караванщика. – Мне хотелось бы идти вместе с вами, но и в столицу неплохо бы попасть побыстрее.

– Заход в Харкорум увеличит путь до столицы на двое суток... – неохотно ответил бель.

– А если отсюда отправиться прямо в столицу, сколько надо будет идти? – поинтересовался я.

– Если ты очень хороший ходок, то сможешь дойти часов за десять... – еще более неохотно проговорил караванщик, думая, что я собираюсь их покинуть.

– Пожалуй, я все-таки присоединюсь к твоему каравану... – раздумчиво проговорил я. – Не думаю, что двое суток что-то кардинально изменят, а общение со столь знающим и просвещенным человеком, как ты, поможет мне лучше подготовиться к столичной жизни...

Бель Хакум польщенно ухмыльнулся:

– Да, столичные обычаи и правила мне очень хорошо известны. А новичок, да еще с дикого севера, запросто может попасть в неприятную ситуацию...

– Только я не хочу поступать к тебе на службу охранником... – Я улыбнулся, давая понять белю, что не хочу обидеть его отказом. – Я пойду с караваном сам по себе... Скажи, смогу я у кого-нибудь из твоих людей купить немного еды? Я не рассчитывал пробыть в дороге еще два дня.

– Конечно, – спокойно ответил Хакум, никак не реагируя на мое нежелание поступать к нему на службу. – Я же говорю, мы потеряли нескольких человек. Значит, еды в караване будет вдоволь...

Пока мы разговаривали с почтенным белем, его люди успели собрать валявшееся на поляне оружие, навести относительный порядок в караване, выкопать большую яму и свалить в нее троих убитых бандитов, предварительно раздев их практически догола. Четверо раненых попали в плен и уже были закованы в кандалы. Я с удовлетворением увидел, что среди пленных нет нападавшего на меня молодого паренька. Видимо, он успел оправиться от моего удара и скрыться с поля битвы. Шестеро убитых защитников каравана были похоронены отдельно. Раненых среди караванщиков тоже было достаточно много.

Караванщики уже начали уводить навьюченных животных дальше по тропе между поросшими мелким леском холмами. Мы с белем последовали за последним верблюдом и буквально через пару сотен метров вышли к небольшому чистому, отсвечивающему голубым озерку. На его берегу караванщики разбивали привал.

Запылало несколько костров, на которые тут же были водружены солидные котлы. Было развязано несколько мешков с припасами и расстелены прямо на прибрежном песке толстые ковры.

И в этот момент, заметив, что бель Хакум оставил меня в одиночестве, ко мне приблизился тощий, невысокого роста старик в довольно потертом халате. Низко мне поклонившись, он с запинкой проговорил:

– Незнакомец, могу я пригласить тебя быть моим гостем? – И заметив, что я внимательно оглядываю его изношенную одежку, торопливо добавил: – Да, я не богат... Но ты доставишь мне истинное счастье, разделив трапезу со мной и моими родными... Ведь ты спас жизнь моему сыну!..

– Кому я спас жизнь?.. – удивленно переспросил я.

– Моему сыну... Тот бандит, который командовал шайкой и которого ты убил... Он уже дважды ранил моего сына и, несомненно, добил бы, если бы ты не отвлек его. Он увидел, что ты расправился с его людьми, все бросил и пошел тебе навстречу... И поэтому мой единственный сын остался жив. Я очень прошу тебя, не побрезгуй моим гостеприимством, раздели с нами наш скромный обед...

Признаться, я слегка растерялся. Мне никогда особенно не нравилось быть в роли благодетеля – не знаю я, как себя в этой роли вести. Поэтому я только и смог, что сконфуженно пробормотать:

– Конечно, уважаемый... Я сочту за честь принять твое приглашение...

Старик боком двинулся к одному из костров, показывая мне дорогу. Я направился следом за ним и, чтобы хоть как-то избавиться от неловкости, спросил:

– Как тебя зовут, уважаемый?..

– Мое имя – има Ухтар, и если ты будешь у нас на юге, в Сарканде, любой прохожий подскажет тебе дорогу к моему дому...

– Как же вы с сыном попали в эти пустынные места?

Услышав этот простой вопрос, има Ухтар испуганно оглянулся по сторонам, а потом тихо проговорил:

– Своему благодетелю я расскажу эту историю... Чуть позже... Может быть, когда мы снова тронемся в путь...

В этот момент мы приблизились к костру, возле которого хозяйничала пожилая женщина. Увидев нас, она радостно проговорила:

– Он согласился, слава Ахриману!

Има Ухтар с почтением указал мне на расстеленный ковер, предлагая присесть, но я поинтересовался:

– Почтенный има Ухтар, ты сказал, что твой сын ранен в схватке. Может быть, ты сначала покажешь мне его, я неплохо разбираюсь во врачевании...

Старик немного растерянно указал на стоящую рядом повозку.

– Он лежит здесь... Но, по-моему, он заснул, может быть, не надо его тревожить?

– Не волнуйся, я его не потревожу, – твердо ответил я и направился к повозке.

Старая, довольно разбитая телега была прикрыта кое-как прилаженным тентом. Я слегка отодвинул кусок выбеленного брезента, прикрывавшего повозку, и заглянул внутрь. Там на слое сухой травы, прикрытый старым одеялом, лежал совсем молодой юноша. Глаза его были закрыты, а дышал он часто и мелко. Левая рука выше локтя была перевязана чистым лоскутом, на котором проступило небольшое кровавое пятно. Кроме того, под распоротой и окровавленной штаниной белела еще одна повязка, на бедре. «Да, мальчишке, похоже, здорово досталось!» – озабоченно подумал я. Очень мне не нравилось под этим тентом. Я просунул под тент руку и медленно провел ею над лежавшим телом. Так и есть. Обе раны были заражены и стремительно воспалялись.

Я вынырнул из-под брезента и, стараясь не напугать има Ухтара, спокойно попросил: – Можно быстро принести горячей воды?

Старик испуганно взглянул мне в глаза и бросился к костру. Там он что-то коротко сказал хозяйке, и та, прихватив небольшой котелок, бегом устремила к соседнему костру. Через минуту возле меня стоял исходивший паром котелок.

Я в это время осторожно разбинтовал руку юноши, так, что он даже не открыл глаз. Рана была колотая, нанесенная, несомненно, знакомым мне палашом. Ее края вывернулись наружу, а разрезанная кожа вокруг раны странно почернела. «Яд!» – сразу определил я.

Наклонившись над котелком, я принялся читать довольно простенькое заклинание против отравы на стали. Вода в котелке взбурлила, а потом, плюнув в небо облачком пара, мгновенно остыла, так что котелок покрылся изморозью. Я зачерпнул пригоршню холодной воды и обильно брызнул на рану. Затем смочил в котелке свой платок и, наклонившись над раной, принялся ждать.

Через пару минут сама рана и воспаленная кожа вокруг нее начали покрываться ядовито-желтой пеной. Я быстро вытирал ее платком, а она тут же принималась пузыриться снова. Минуты две я едва успевал удалять эту пену, а затем она вдруг начала буреть и скоро превратилась в обычную кровь. Кровь быстро свернулась, а края раны побледнели и опали. Я свел края раны вместе и туго забинтовал ее, подложив под полотно широкий, промытый в котелке травяной лист. Затем я разрезал штанину и повторил ту же операцию с раной на бедре, нанесенной, судя по ее виду, ножом главаря банды.

Закончив перевязку, я обернулся и уткнулся взглядом во встревоженные глаза старого Ухтара.

– Видимо, клинки у этого верзилы были отравлены, но теперь яд удален из ран, а сами раны совершенно не опасны. Так что не беспокойся, с твоим сыном все будет в порядке, – успокоил я старика и весело добавил: – А вот теперь можно и перекусить...

– Ты великий лекарь, незнакомец! – благоговейно прошептал старик и низко поклонился.

– Да ничего особенного... – снова смутился я. – Просто мне неплохо известны различные яды и я знаю кое-какие заклятия против них.

Мы снова направились к расстеленному возле костра ковру. Здесь нас ждала испуганная хозяйка. Едва мы приблизились, има Ухтар поспешил ее успокоить:

– Не бойся, Уртусан, в раны Орзама попал яд...

И в ту же секунду глаза почтенной Уртусан закатились, ноги подкосились, и она начала падать прямо в костер. Я едва успел подхватить ее и уложить на ковер. Старик бестолково суетился возле меня, не зная, что делать.

– Почтенный има, подайте мне немного воды... – попробовал я занять его чем-нибудь, а сам наклонился над потерявшей сознание женщиной.

Старик метнулся прочь, затем вернулся и растерянно спросил:

– Горячей?

– Нет, просто холодной воды... – спокойно пояснил я.

Ухтар, прихватив какую-то кружку, побежал к озерку. Я в это время слегка похлопал Уртусан по щекам и она открыла глаза. Увидев над собой мое лицо, она с отчаянием прошептала:

– Мой мальчик умрет?!

– Ну с чего ты взяла, что он умрет? – улыбнулся я в ответ. – Яд из ран я уже удалил. Сейчас он спокойно спит. Если ты нас покормишь, я вспомню еще парочку заклинаний и через пару дней Орзам будет на ногах...

Я не буду описывать ее последующее поведение. Столько слез, радости и восхвалений в свой адрес я не видел никогда. В этот момент вернулся старый Ухтар и, увидев свою Уртусан в добром здравии, также разразился славословиями.

Наконец мы с Ухтаром уселись на ковре, а Уртусан принялась подавать «на стол». Из «горячего» был только плов, но плов был совершенно замечательный. Такой плов я ел еще в дни своей юности в московском ресторане «Узбекистан». Кроме этого, был большой выбор свежих овощей и очень вкусные лепешки. Вино, поданное в высоком узкогорлом кувшине, также было выше всяких похвал.

Однако где-то через час раздался зычный голос:

– Привал окончен! Привал окончен! Караван-тарши подал сигнал к отправлению!

Уртусан принялась сноровисто укладывать в большой короб, стоявший в передке телеги, посуду и утварь. Мы с Ухтаром смахнули с ковра песок, свернули его и аккуратно уложили толстый рулон вдоль бортика телеги. Орзам спокойно спал, и теперь его дыхание стало глубоким и ровным.

А еще через несколько минут караван тронулся в путь.

Я было подумал двигаться пешком, но има Ухтар, усевшийся на передок телеги, показал мне на место рядом с собой и состроил такое умоляющее лицо, что я, не раздумывая, занял предложенное место. Уртусан разместилась сзади, аккуратно положив голову спящего Орзама себе на колени.

Караван обогнул маленькое озеро по берегу и втянулся в небольшое ущелье, образованное лесистыми холмами. А через некоторое время снова выбрался на голую песчаную равнину, только кое-где покрытую серыми клочками травы.

Мимо нашей телеги проехал на своем верблюде хозяин каравана бель Хакум и, скосив глаза в мою сторону, добродушно проворчал:

– Я вижу, Илия, ты нашел себе место в караване?... – И, не дожидаясь моего ответа, проследовал вперед.

Караван неспешно двигался вперед, под мерный скрип колес, мягкий топот навьюченных животных и редкие окрики караванщиков. После плотного обеда с вином такой способ передвижения навевал сон, и я, чтобы не задремать, обратился к сидящему рядом старику:

– Уважаемый има Ухтар, ты собирался рассказать мне, как вы с сыном попали из своего Сарканда сюда, в эти пустыни...

Старик посмотрел по сторонам, но на нас давно уже никто не обращал внимания. Почтенная Уртусан чутко придремывала позади, придерживая голову юноши. Ухтар взглянул мне в лицо и ответил:

– Хорошо, неподражаемый Илия, я расскажу тебе свою историю... – Затем, немного помолчав, он продолжил: – Я происхожу из старинного рода белей Ухтаров, которые ведут свою родословную со времен Всеобщей Войны. После возникновения Границ первый бель из нашего рода осел на юге Великого ханифата. Он был очень влиятельным полководцем, но совершенно не владел магией и поэтому сразу признал первенство Черного мага. За это и за ту поддержку, которую мой предок оказал Черному магу в борьбе с его врагами, он был назначен правителем южных провинций.

Когда Черный маг ушел, а к власти пришел первый Великий ханиф, южным правителем был уже внук родоначальника. И с тех пор на юге страны не было правителей из других семей. Я был шестым сыном своего отца и поэтому не мог рассчитывать на наследство. Моим уделом была религия. Я окончил монастырскую школу и был готов стать священнослужителем культа великого Ахримана. Но в этот момент я полюбил...

Ты же знаешь – служители культа не имеют права брать себе жен, а сделать свою любимую простой наложницей я не мог. И я отказался от священного сана. Мне оставили звание «има», но больше я ничего не имел. Мы с женой начали все с самого начала. Конечно, мне

помогло отличное образование. Я поступил на службу к очень крупному купцу и оказал ему неоценимые услуги в делах. После нескольких лет службы хозяин предложил мне партнерство. Позже я понял, что он просто боялся, что я уйду от него и стану его конкурентом, но тогда я с радостью принял его предложение. Наши дела шли очень хорошо, и скоро я разбогател.

Мы с женой построили дом в нашем родном Сарканде, я нанял слуг. Ведь наша семья увеличилась – у меня было уже восемь дочерей. Но ты, конечно, понимаешь, что я очень хотел иметь сына. И наконец сын у нас родился. Но это не стало полным счастьем... Родами умерла моя жена... – Тут старик надолго замолчал, а я не спешил вывести его из задумчивости.

Жар пустыни обволакивал нас, тонкий шлейф поднятой караваном пыли стлался за нами вялым облаком. Высоко в небе, широко раскинув крылья, висел какой-то пернатый хищник. А има Ухтар словно не видел ничего вокруг, погруженный в свои воспоминания.

Наконец он продолжил:

– Мне пришлось взять в дом кормилицу. Ту самую Уртусан, которую ты уже видел. Она стала моему сыну второй матерью.

Мальчик рос здоровым, сильным и очень умным, и меня огорчало только то, что его мать не может любоваться и гордиться своим сыном. И вот, когда Орзаму исполнилось четырнадцать лет, у него проявился Дар. Проявился совершенно неожиданно. Однажды ночью к нам в дом забрался воришка. И попал он как раз в спальню к моему сыну. Увидев, что мальчик проснулся, вор выхватил нож и приказал Орзаму молчать. Но мой сын, как потом рассказал сам вор, только посмотрел на него и дернул за шнур, вызывая прислугу. Вор хотел кинуться на мальчика, но не смог двинуться с места. Какая-то неведомая сила не давала ему пошевелиться. Так его и взяли, прямо в комнате Орзама.

А еще через месяц ко мне в дом явился высокий, богато разодетый черноволосый мужчина с длинной бородой и предложил отдать моего сына ему в обучение. Это был известный маг, член Лиги, служитель первого круга бель Васар. Я не хотел посылать сына к нему, но Орзам сам упросил меня. И я дал свое разрешение. Разрешение на принятие моего сына к себе в ученики бель Васар получил у Лиги заранее.

Бель Васар увез моего сына к себе в замок, который располагается несколько севернее столицы. Я, конечно, очень скучал, а Уртусан – так просто не находила себе места. Но вначале все шло очень хорошо. Орзам писал нам каждый месяц, и эти письма появлялись у меня на столике в спальне по ночам. Я не знаю, каким образом бель Васар переправлял их, но они приходили регулярно. Именно из этих писем мы узнавали об успехах нашего мальчика, о том, что учитель им очень доволен, что он успешно постигает высокое Искусство.

Но вот пять месяцев назад письма перестали приходиться. Мы заволновались и не знали, что подумать. И вдруг по всем городам Великого ханифата было объявлено, что бель Васар организовал заговор против Великого ханифа и Главного хранителя трона беля Озема. Тогда же пришло сообщение, что бель Васар был обложен в своем замке ханифской гвардией. Сам бель Васар и девять его учеников погибли, когда гвардейцы под прикрытием большого Круга Лиги пошли на штурм. Мятежный маг взорвал подвал центральной башни цитадели.

Ты сам понимаешь, что нашему горю не было предела!

Но два месяца спустя ко мне рано утром пришла Уртусан и сообщила, что мой мальчик жив и ждет, чтобы мы приехали и забрали его. Когда я спросил ее, откуда у нее такие сведения, она сказала, что ей все это приснилось сегодня ночью. Я горько посмеялся над ее сном, а она умоляла послушать ее и отправиться за Орзамом. Но я ничего не хотел слушать, и она ушла от меня вся в слезах. Три дня она молчала и только с укоризной поглядывала на меня, когда мы встречались. А через три дня мне самому приснился мой сын. Причем сначала мой сон был самым обычным – простой, плохо связанный ряд каких-то картинок.

И вдруг эти картинки словно стерло мокрой тряпкой, а перед моими глазами появился мой сын. Он рассказал, что спасся во время взрыва, потому что учитель послал его в другую башню за волшебными амулетами. Но сам он не может выйти из-под обрушенной башни. Он просил приехать и откопать его.

Надо сказать, что к этому времени мое богатство значительно уменьшилось. Много я отдал вышедшим замуж дочерям, многое потерял на неразумных сделках своего партнера. Поэтому я, увидев этот сон, распустил всех своих слуг, продал дом, собрал сколько смог денег и отправился за сыном. Только Уртусан отказалась оставить меня. Она сказала, что, если я не возьму ее с собой, она пойдет сама пешком, но не оставит своего дорого мальчика одного. Мне пришлось взять ее, и я не пожалел об этом.

Мы пришли к развалинам замка беля Васара и вдвоем принялись откапывать из-под обломков подвал боковой башни. Ты спросишь, почему вдвоем? Во-первых, это место считалось зараженным дурной магией и проклятым. А во-вторых, мы боялись, что наши помощники выдадут белю Озему, что не все ученики уничтоженного им мага погибли.

Так что мы вдвоем растащили обломки башни и открыли вход в подвал. Там мы нашли нашего мальчика. Он был жив, но очень слаб.

Мы вернулись в ближний город и почти месяц жили в гостинице, пока Орзам не окреп. Потом мы присоединились к каравану беля Хакума, чтобы вернуться в родной город.

И я, и бедная Уртусан все так же любим нашего мальчика, но он стал каким-то странным. Словно страшная тайна гложет его изнутри, словно дух его учителя требует от него чего-то невозможного. Он нам ничего не рассказывает, а расспрашивать мы не рискуем – боимся навредить ему. А теперь вот еще и ранили его.

Има Ухтар внимательно посмотрел на меня и спросил с тревогой:

– Ты уверен, что весь яд из его ран вышел, что мой мальчик выздоровеет?

– Не волнуйся, почтенный има, все будет в порядке, – поспешил я успокоить его. Мы замолчали. Жара и бесконечное голубовато-белесое небо неподвижно висели над нами. Има Ухтар снова погрузился в воспоминания, а я принялся размышлять над услышанным. И постепенно в моей голове начал возникать план.

Вечером, когда солнце уже опустилось за горизонт, а караван подходил к большому постоялому двору, Орзам открыл глаза и попросил есть. На его лицо вернулся слабый юношеский румянец, и выглядел он очень неплохо. Уртусан, не снимая его голову со своих колен, дотянулась до заранее ею приготовленного свертка и накормила юношу теплым бульоном с маленькими кусочками мяса. И юноша снова заснул. А уже через час мы с Ухтаром осторожно перенесли его в маленькую отдельную комнатку, которую старик смог снять на постоялом дворе.

Караванщики суетились во дворе придорожной гостиницы, распрягая животных. Их расставляли по стойлам в огромном сарае, поили, кормили. Хозяин постоялого двора бегал по двору и гостинице, устраивая на ночь своих многочисленных гостей. Он, как я понял, давно и хорошо был знаком с белем Хакумом, который постоянно останавливался здесь, направляясь в столицу. Я разместился в одной комнате с начальником охраны каравана.

Постепенно суета, связанная с приходом каравана, утихла, и большинство путешественников собрались в большом обеденном зале за общим ужином. Мы с има Ухтаром продолжали держаться вместе, и совершенно неожиданно за наш стол подсел сам бель Хакум. Он посмотрел на меня своими хитроватыми глазами и неожиданно спросил у старика:

– Это что, действительно раны твоего сына были отравлены?

– Да, хозяин, – быстро ответил тот. – Вот, спасибо нашему благодетелю Илие, сначала он спас моего мальчика от смертельного удара, а потом определил яд и выгнал его из ран. Сейчас мальчик чувствует себя значительно лучше. Даже немного поел!..

Бель еще более внимательно посмотрел на меня и негромко произнес:

– А ты, похоже, горазд в искусстве врачевания?

– Я вообще горазд в Искусстве... – ответил я, твердо встретив его взгляд. – Мой учитель хорошо меня обучил.

– Так, значит, у тебя все-таки был учитель? – быстро спросил Хакум.

– Любой Дар нужно выявить и взрастить, а для этого необходим учитель... – уклончиво ответил я.

– А не выпить ли нам вина, – вдруг громко предложил караван-тарши. – Эй, трактирщик, ну-ка дай на этот стол еще один бокал!

Половой тут же прибежал с чистым бокалом. Старый Ухтар хотел было налить в него из стоявшего на столе кувшина, однако бель Хакум перехватил его руку и с некоторой укоризной сказал:

– Мы не будем поить нашего искусного гостя этой трактирной бурдой. – А затем, повернувшись в сторону начальника охраны, приказал: – Бастаг, принеси-ка мой заветный бурдюк и мешочек сандарских засахаренных фруктов. – Потом он снова повернулся к нам и самодовольно произнес: – Сейчас я угощу вас вином, какое и сам Великий ханиф пьет не каждый день.

Буквально в ту же секунду рядом возник запыхавшийся Бастаг и положил на стол небольшой кожаный бурдюк, а рядом холщовый мешочек.

Бель Хакум медленно, даже как-то торжественно развязал тесемки, стягивающие мешочек, и насыпал в чистую глиняную миску горку засахаренных фруктов. Затем он не менее торжественно вытащил затычку из бурдючка и наполнил две кружки и поданный для него бокал густой пахучей темно-бордовой жидкостью. Мы взяли в руки свою посуду и посмотрели на хозяина каравана, ожидая его слов.

– За высокое Искусство! – произнес он, приподнимая бокал. – За его истинных хранителей и ценителей!.. – И его глазки снова хитро блеснули.

Има Ухтар быстро вытянул свое вино и потянулся к миске с фруктами. Бель Хакум медленно, маленькими глоточками потягивал из своего бокала и поглядывал на нас, словно ожидая нашей реакции на угощение. Я вдохнул сложный тяжеловатый букет и, набрав немного вина в рот, покатал его за щеками. Вино было, безусловно, старым, хорошо выдержанным, имело несколько терпковатый аромат и густой, с явной горчинкой вкус. И самое главное, в вино было что-то подмешано!

Впрочем, мне хватило первого глотка, чтобы разобрать, что это был сироп, сваренный из нескольких трав с добавлением меда. Вот только этот сироп был совершенно необязательным компонентом для такого вина. Значит, его влили с какой-то целью.

Я провел ладонью от гортани до живота, выражая высшее удовольствие, а на самом деле посылая импульс, который настроил мой организм на отторжение этой странной добавки. Затем, прихлебывая маленькими глоточками вино и наблюдая за состоянием своих сотрапезников, я поинтересовался:

– В каких же виноградниках произрастает это чудо?

– Это северный склон Агарры – виноградники Великого ханифа. А сорт называется «Чудо ханифата». Ежегодно закладывается не более пятидесяти бочонков этого вина, а выдерживать его можно от трех до двенадцати лет. Не более! Если вино передержать, оно превращается...

– В укус... – подсказал я.

– О Илия, ты и в винах разбираешься? – довольно хохотнул бель.

– Мой учитель говорил, что вино – это кровь земли, а землю надо чутко чувствовать, ибо она основа!

– Твой учитель был мудр!.. – поощрил меня бель Хакум и снова наполнил наши опустевшие кружки, не забыв и свой бокал.

Я поднял свою кружку и, вытянув из миски ломтик, очень похожий на кусочек засахаренной дыни, произнес:

– Если старшие позволяют, я тоже хотел бы сказать слово...

Оба соседа согласно покивали головами, и я продолжил:

– Я предлагаю выпить за мудрых людей. За людей, которые не сидят на месте, а идут, не сворачивая, по избранному ими пути. Пусть им сопутствует удача!

И после этого эмоционального спича я залпом опорожнил свою кружку. Попробовав зажатый в руке кусочек «дыни», я сразу понял, что он тоже пропитан тем же самым сиропом. В этот момент има Ухтар тяжело опустил свою кружку на стол и вяло пробормотал:

– Я что-то совсем устал... Глаза закрываются... День был тяжелый... – Его голова начала клониться и наконец легла на подложенную руку. Раздалось тихое спокойное посапывание.

– Э-э-э, да наш старик совсем утомился, – легко усмехнулся бель Хакум. И я сразу же уловил его быстрый изучающий взгляд, брошенный на меня. Хлебнув еще глоток из своей кружки, я тоже опустил ее на столешницу и бросил на засахаренный фрукт в своей руке недоуменный взгляд.

– Что-то мне тоже... спать пора... – пробормотал я заплетающимся языком. Потом еще раз обведя зал помутненным взглядом, я улыбнулся белю, вяло погрозил ему пальцем и, закрыв глаза, откинул голову на высокую спинку стула. Секунду спустя я уже сопел носом, изображая безвременно уснувшего.

– Кажись готов?... – пробормотал у меня над ухом глуховатый голос начальника стражи.

– Ты, по-моему, с ним в одной комнате остановился? – поинтересовался хозяин каравана. Бастаг, по-видимому, утвердительно кивнул, и бель приказал: – Отнесешь его в комнату и уложишь в постель. Ночью, попозже, я приду и мы его повыспрашиваем, какой такой учитель его обучал... Скажи кому-нибудь, чтобы старика тоже отнесли в комнату...

– А может, старичок давний знакомец этого типа?... – пробурчал Бастаг.

– Нет. Он действительно спас ему сына... Так что старик ни при чем... Давай действуй...

Я почувствовал, как меня поднимают со стула и несут прочь из зала. Причем у начальника охраны явно был помощник. Решив, что потом и так узнаю этого помощника, я не стал открывать глаз, давая моим новым «друзьям» спокойно доделать свою работу.

Меня перенесли в комнату и аккуратно уложили в постель. Затем не менее аккуратно раздели и прикрыли одеялом. Ну точно заботливые дядюшки, беспокоящиеся о здоровье забулдыги племянника.

– Ишь ты, – неожиданно раздался хриловатый шепот, – улыбается... Знать, что-то хорошее снится...

– Каково-то пробуждение будет... – так же шепотом ответил Бастаг. Оба, крадучись, направились к двери, и через мгновение я услышал, как щелкнул замок.

Я открыл глаза и огляделся. Принесли меня действительно в мою комнату, и именно здесь меня, по всей видимости, будут «поспрашивать». Ну что ж, пусть поспрашивают. Хотя для настоящей игры неплохо бы знать, как должно действовать на меня подмешанное снадобье. Я снова откинулся на подушку и прислушался к себе. Все было в норме. Тогда я стал понемногу подпускать в кровь растворенные в вине ингредиенты. И через мгновение почувствовал странную сонливую легкость, пустоту в голове и неудержимое желание поговорить. «Так, – подумалось мне, – значит, из меня должен получиться болтун – находка для шпиона. Ну что ж, получите вы своего болтуна».

Я выбросил эту дрянь из крови, а остаток вывел со слюной и смачно плюнул в дальний угол комнаты. Слюна была ядовито-желтого цвета. Стало понятно, почему снадобье растворили в темном вине. Откинувшись на подушку, я принялся ждать посетителей, рассуждая

про себя, кем может быть бель Хакум на самом деле. Рассуждения мои были, по правде говоря, совершенно бессмысленными, потому что у меня не хватало данных, но чем-то надо было заняться.

Так прошло часа три. И тут я услышал, что по коридору к моей комнате кто-то неспешно приближается. Я прикрыл глаза, и почти сразу возле двери завозились, щелкнул замок и поворачивающиеся петли слегка скрипнули. В комнату вошли двое. Впереди шел бель Хакум, а за ним, тенью, его верный начальник охраны. Хозяин каравана приблизился к постели и, взглянув на меня, проворчал:

– Ишь как сладко спит... Даже будить жалко.

Бастаг высунулся из-за плеча беля и ухмыльнулся. Затем он протянул руку и потормошил меня за плечо.

Я открыл глаза и тут же сел на постели. Посмотрев на своих гостей заспанным взглядом, я зевнул, и тут меня прорвало.

– О бель Хакум, как я рад тебя видеть! Я что-то совсем раскис, это надо же, уснуть во время ужина! Я надеюсь, ты не слишком на меня рассердился! – И тут я «разглядел» Бастага.

– Как! И достойный начальник нашей охраны пришел меня провести! Какая честь! Садитесь, садитесь, пожалуйста! Я сейчас спущусь в обеденный зал и принесу вина! Мы троим обязательно должны выпить!

Бель Хакум бросил выразительный взгляд на своего помощника, а потом дружелюбно меня перебил:

– Не надо куда-то торопиться, дорогой Илия. Я просто зашел узнать, как ты себя чувствуешь, не надо ли чего-либо.

– Ну! – тут же воскликнул я. – Я чувствую себя прекрасно!

– Тогда, может быть, мы просто побеседуем? – вкрадчиво предложил бель.

– Конечно! – пылко поддержал я. – Дружеская беседа – что может быть приятнее для души!

Бастаг быстро подтащил к постели кресло, и бель уселся в него. Его клевет расползся за спинкой кресла, почему-то внимательно наблюдая за моими руками.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – самым дружеским тоном поинтересовался Хакум, и я почувствовал в его голосе непривычные обертоны. Похоже, он задействовал голосовое принуждение. «Ну что ж, – подумал я, – пора начинать свою игру...»

Я слегка пошевелил пальцами правой руки и послал лучик из вправленного в мой перстень изумруда мазком по глазам Бастага. Он мгновенно оцепенел, выпучив глаза и вцепившись руками в спинку кресла. А я в это время прошептал заклинание, выпуская в кровь почтенного беля выпитое им снадобье. До сих пор оно было связано весьма простеньким наговором, который под напором моего заклинания мгновенно рухнул. Волшебный отвар, словно сорвавшись с цепи, бросился на беднягу Хакума. Его глаза закатились, и он начал стремительно засыпать.

Но я дунул ему в лицо, прогоняя сон. Бель встрепенулся и бодренько поинтересовался:

– О чем бишь я хотел сказать?..

– Да я, почтенный Хакум, сказал тебе, что собираюсь вступить в Лигу, а ты начал рассказывать о беле Оземе, о порядках, царящих в Лиге...

– Да-да! – поспешно перебил меня Хакум, сейчас ему уже не хотелось слушать. Ему хотелось говорить самому.

– Так вот. Я очень хорошо знаю порядки Лиги, поскольку сам являюсь членом Большого Круга, – гордо заявил бель. – Ты, конечно, можешь направить просьбу о принятии в Лигу магов. Но на совете Лиги ты должен будешь назвать своего учителя. Кроме того, если твой учитель не из служителей Первого Круга, тебе устроят экзамен. А экзаменатором будет, конечно, сам бель Озем...

Тут бель противно захихикал.

– Наш Главный хранитель трона очень любит экзаменовать начинающих магов. Впрочем, может, твой учитель как раз из Первого Круга? – Хакум словно вспомнил, что хотел кое-что выведать у меня. Но тут же забыл об этом, уносимый неистовым желанием болтать. – Если экзамен принимает сам бель Озем, а это будет именно так, то он проходит либо в его апартаментах в Лиге, либо во дворце Великого ханифа. И там, и там имеется Город... – Хакум снова захихикал.

– И что это за Город? – перебил я его смех.

– Сам узнаешь... – недовольно ответил он и тут же добавил: – Только из этого Города еще никто самостоятельно не выбирался!

– Так это что-то наподобие шестого Глаза Вечности? – поинтересовался я.

– Ну что ты! – возмутился бель. – Город может тебе настолько понравиться, что ты сам не захочешь из него уйти. А шестой Глаз Вечности – это... – Тут он зябко передернул плечами, а его лицо перекосилось. Я понял, что шестой Глаз Вечности – весьма неприятное место.

– Так посещение этого Города и есть экзамен на право вступить в Лигу? – спросил я внезапно присмирившего беля.

– Нет! – тут же ответил он, обрадовавшись, что я не продолжаю разговор о шестом Глазе Вечности. – Совсем не обязательно... И вообще, каким будет экзамен, если он будет, совершенно нельзя сказать заранее...

Тут он снова замолчал, словно тема была исчерпана.

– Бель Хакум, раз ты являешься членом Лиги иходишь в Большой Круг, объясни мне, что это такое – Большой Круг Лиги, – сменил я тему разговора.

Самодовольство снова вернулось к хозяину каравана. Он откинулся в кресле и заговорил:

– Когда президенту предстоит сложная работа, требующая большого напряжения сил, он посылает команду для создания Большого или Малого Круга. Сам он становится центром Круга, и вся имеющаяся у членов Круга Сила направляется в этот центр. Сила президента, его могущество возрастают неимоверно! Когда Круг создан, противостоять президенту практически невозможно! Посуди сам, в Малый Круг входят пять служителей Первого Круга. Уже это является могучим объединением. А в Большой Круг собираются вообще все члены Лиги. Ты можешь представить себе эту мощь?!

– А в центре Круга – бель Озем, – задумчиво уточнил я. – Слушай, а ты, наверное, хорошо знаешь самого президента Лиги. Охарактеризуй его, какой он человек?

Хакум немного помолчал, словно подбирая слово, а потом глухо проговорил:

– Страшный... – Он снова помолчал и продолжил, преодолевая самого себя: – И другим он быть не может. Иначе он не стал бы верховным адептом Ахримана, которому Черный бог вручил всю полноту магии.

«Вот так!» – мелькнуло у меня в голове.

Тут я обратил внимание, что мой собеседник, несмотря на принятые мной меры, начинает клевать носом. Да и у меня, собственно говоря, вопросы к нему закончились. Так что разговор можно было заканчивать. Поэтому я сочувственно поинтересовался:

– Благородный бель, я не слишком утомил тебя разговором? А то ведь завтра нам рано подниматься. Может быть, ты хочешь отправиться к себе?..

– Да... – утомленно проговорил Хакум, – пора, пожалуй, в постель, – и, не поворачиваясь, обратился к своему помощнику: – Бастаг, проводи меня в мою комнату...

Я приподнялся и легонько шлепнул Бастага по лбу. Он тряхнул головой, словно очнувшись от столбняка, а я, не давая ему разразиться вопросами, негромко приказал:

– Отведи почтенного бея в его комнату и не оставляй одного. Ночью ему может понадобиться помощь.

– Понял... – растерянно пробормотал он и бросился на помощь тяжело поднимавшемуся из кресла Хакуму.

Когда эта «сладкая парочка», опираясь друг на друга, выползла из моей комнаты, я щелкнул дверным замком, а потом еще наложил простенькое заклинание, позволяющее открыть дверь только изнутри. После этого я спокойно разделся и с чувством выполненного долга улегся спать.

Проснувшись рано утром, я в крошечной умывальне быстренько привел себя в порядок и спустился в обеденную залу. Там было еще пусто, хотя кухня уже работала, а стулья были сняты со столов и заняли свои рабочие места. Я уселся у ближнего к кухне столика и хлопнул в ладоши. На этот громкий звук из-за дверей кухни показалась встрепанная голова молоденькой девушки, которая, увидев меня за столом, тут же спряталась за дверь. Секунду спустя оттуда выплыла дородная женщина в скромном темном одноцветном халате и строгой головной повязке. Поверх халата у нее был повязан большой белоснежный фартук. Павой приблизившись к моему столу, она скромно опустила глаза и низким грудным голосом пропела:

– Досточтимый маг будет завтракать? – При этом в ее голосе сквозило некоторое удивление.

– Да... – весело ответил я, – досточтимый маг не откажется от плотного завтрака, и он не понимает, почему тебя это удивляет?

Она стрельнула в мою сторону блестящим глазом и неожиданно весело ответила:

– Значит, ты действительно не настоящий маг...

– Почему? – удивился я.

– Настоящие маги... Настоящие члены Лиги магов, – быстро поправилась она, – никогда не завтракают.

– Вот как? – Мое удивление возросло.

– Конечно! – Она откровенно веселилась. – Ведь ваш Черный бог говорит, что начинать день с наполнения собственного желудка недостойно мыслителя. Сначала необходимо наполнить свой разум...

– Дело в том, моя дорогая, что я действительно еще не член Лиги. А кроме того, я имею привычку опорожнять свой желудок и не имею привычки опорожнять свой разум. Так что мне полагается начинать свой день именно с наполнения желудка...

– В таком случае, – она старалась выдержать принятый стиль разговора, – твой завтрак немедленно будет подан. – Здесь она, не выдержав, фыркнула в кулак и, быстро развернувшись, двинулась на кухню. Через минуту оттуда появилась уже виденная мной девчушка с огромным подносом в руках. Расставив на столе принесенное угощение, она смущенно улыбнулась и, присев в некоем подобии книксена, прошепелявила: – Куфайте, позалуста... – А потом стрелой метнулась за дверь.

Завтрак был хорош, и я получил истинное удовольствие от еды. К концу моей трапезы в зале появился еще довольно заспанный хозяин постоянного двора. Я взмахом руки подозвал его к своему столу, а когда он не спеша приблизился, спросил:

– Не купишь ли ты у меня вот эту безделушку?.. – И протянул ему маленький, но прекрасно ограненный рубин.

Сон из его глаз исчез моментально. Он ловким движением выхватил у меня из пальцев камень и принялся тщательно его осматривать. При этом я свободно читал на его физиономии, на сколько он собрался меня надуть.

– Даже и не думай... – тихо проговорил я, глядя мимо него.

Он вздрогнул и внимательно посмотрел в мою сторону. Я вздохнул, положил правую ладонь на столешницу, а потом приподнял ее над столом сантиметров на десять. Под моей ладонью сидел ярко-рыжий таракан таких размеров, что было непонятно, как он вообще мог спрятаться у меня под рукой.

– Если ты меня обманешь хоть на цент, такие звери расплодятся в твоей таверне в неимоверном количестве... – сурово предупредил я, и беднягу хозяина буквально передернуло.

Он, конечно, не понял, что такое цент, но переспрашивать не стал, а воскликнул чуть дрогнувшим голосом:

– Что ты! Как я могу обмануть чародея. – Затем, зажав рубин в кулаке, он добавил: – Сейчас я принесу деньги... – и рысью двинулся к себе.

Минут через пять хозяин вернулся в зал. Выглядел он гораздо бодрее. Подкатив к моему столику, он положил передо мной два мешочка с монетами.

– Вот. – Он грациозно наклонил голову. – Я взял на себя смелость часть денег принести золотом, а часть более мелкими, серебряными монетами. – «А восемь золотых я оттаял», – ясно читалось в его голове.

Я поднял мешочки за стягивающие их шнурки и медленно покачал их перед его носом. Затем снова положил правую ладонь на стол и вздохнул:

– Я ведь тебя предупреждал, а ты меня не послушал. – И после этого убрал ладонь.

Уже виденный хозяином таракан с невероятной скоростью рванул с места и в мгновение ока скрылся под дверью кухни. Но на его месте уже появился еще один, такой же. Этот экземпляр несколько задержался на старте, но потом с не меньшей скоростью направился в сторону лестницы наверх. Его место на столе занял третий, но в этот момент раздался вопль очнувшегося хозяина:

– Не-е-е-т!!!

Таракан замер на месте, а я спокойно повернулся к вопившему.

– Что – «нет»?

– Не надо, – сорванным голосом прохрипел бедняга. – Вот твои деньги... – И он протянул мне еще восемь золотых.

Я развязал свой мешочек с золотом и ссыпал туда монеты. А потом обратился к таракану:

– Ну что, дружок, хозяин сказал «нет» и подкрепил свое нежелание видеть тебя в своем заведении. Так что убирайся туда, откуда пришел.

И таракан медленно растворился в воздухе.

– А остальные два? – вымученно поинтересовался тараканий ненавистник.

– Что ж ты хочешь, чтобы я гонялся за твоими тараканами по всей твоей таверне? – возмутился я. – Раньше надо было думать!

– Так они же!.. – снова прорезался голос у бедняги, но я не дал ему закончить.

– Передохнут через пару дней... может быть... Ну, в крайности, если уж они размножатся, будешь их жарить и подавать гостям как деликатес...

Тут я прекратил неинтересный разговор и встал навстречу входящему в зал има Ухтару.

– Как спали, почтенный има, – вежливо поинтересовался я у старика.

– О, спасибо, прекрасно... но, правда, мне очень неудобно, что я так неожиданно заснул вчера, прямо за столом. – Он смущенно улыбнулся.

– Ну что ты! Это как раз неудивительно – вчера был очень тяжелый и нервный день, – поспешил я успокоить его и тут же спросил: – Как себя чувствует твой сын? Он уже проснулся?

– Да, он проснулся и просит его покормить. – Ухтар растерянно оглядел пустующий зал. – Но, похоже, еще слишком рано...

– Ничего не рано, – решительно заявил я. – Сейчас мы все устроим. Выздоровливающему необходимо усиленное питание.

Я направился к дверям кухни и энергично постучал. Оттуда немедленно показалась голова девчушки, подававшей мне завтрак. Удивленно округлив глаза, она спросила:

– Тепе еще што-нибудь нуфно?

– Мне нужен еще один... Нет, еще два точно таких же завтрака!.. И побыстрее.

Девчонка открыла рот, изумленно уставилась на меня и быстро прокартавила:

– Ты мофешь свопать еще два ваза по стойко!

– Я – нет... – успокоил я ее, – но завтрак необходим моему раненому другу и его родителям...

– А... – она успокоенно вздохнула, – щас... – И ее голова скрылась за дверью. Через несколько минут она снова показалась из дверей с еще одним подносом в руках. Быстро оглядев зал, она подняла на меня глаза и спросила: – Где твой ваненый?..

– Пошли, – коротко бросил я ей и повернулся к има Ухтару: – В какой комнате вы остановились? – Старик быстро засеменил к лестнице, мы с девушкой поспешили за ним.

Комната, в которой расположились старики со своим мальчиком, располагалась на втором этаже, совсем рядом с моей. Когда мы вошли, Орзам сидел в кровати, прислонившись к высоко положенным подушкам, а Уртусан умывала его. Юноша выглядел гораздо лучше. Вчерашняя бледность сохранялась еще только под глазами. Взгляд его был совершенно ясен и пытлив. Стоило нам войти, он тут же вопросительно уставился на меня.

– Вот, сынок, это тот самый великий маг, который дважды спас тебе жизнь!.. – заторопился има Ухтар со своими объяснениями. – Его зовут Илия...

Орзам посмотрел на своего отца, а потом снова на меня. Теперь в его взгляде вопроса было гораздо меньше, а вот интерес разгорался прямо на глазах. Я внутренне улыбнулся и, напустив на себя вид профессора медицины, двинулся к «пациенту».

– Ну-с, молодой человек, как мы себя чувствуем?.. – Положив ему на лоб руку, я убедился, что никакого жара нет и в помине. Затем я медленно провел ладонью над обеими забинтованными ранами. Как и следовало ожидать, после удаления из ран яда они не представляли для юноши совершенно никакой опасности. Я удовлетворенно выпрямился, и в этот момент Орзам заговорил:

– Как ты думаешь, могу я сегодня встать?.. – Он выжидающе смотрел мне в глаза.

– В общем-то да... – медленно, словно раздумывая, ответил я и краем глаза заметил, как Уртусан испуганно зажала себе ладонью рот. – Но на твоем месте я не стал бы торопиться. Ты же не собираешься путешествовать сегодня пешком, так зачем же тебе вставать, а тем более ходить. Полежи еще сутки, наберись сил. А чтобы тебе не было скучно, я поеду с тобой. Мы сможем о многом поговорить...

Он немного помолчал, раздумывая, а потом улыбнулся и произнес:

– Хорошо.

– Тогда давай завтракай, а то скоро дадут сигнал к выходу.

Девчонка со своим подносом была тут как тут, и через минуту Орзам уже вовсю уплетал свежеприготовленный завтрак, запивая его красным вином. Има Ухтар взял с подноса кусок лепешки и индюшачью ногу и, не сводя сияющих глаз со своего сына, закусывал стоя, а Уртусан вообще отказалась от еды.

С завтраком было покончено довольно быстро, после чего я предложил перебираться в повозку, считая, что на свежем воздухе выздоравливающему будет куда лучше, чем в маленькой гостиничной комнатке. Уртусан собралась очень быстро, похоже, она и не распаковывала багаж. Я взял юношу на руки, мы спустились вниз, прошли через уже заполнившийся обеденный зал и вышли во двор. Там има Ухтар с помощью местного конюха быстро выкатил из сарая свою повозку, и, пока они запрягали в нее верблюда, я аккуратно уложил Орзама.

Уртусан подложила ему под спину подушки, так что он в пути мог спокойно обозревать окрестности.

Скоро вся наша компания уселась в повозку, с которой был снят навес, и принялась молча греться в ласковых лучах осеннего солнышка. А еще через полчаса во дворе уже вовсю топтались люди, собирая караван в дорогу. Последним из харчевни вышел бель Хакум в сопровождении своего начальника охраны. Бель явно не выспался и был не в духе. Проворчав что-то нечленораздельное, он тяжело взобрался на своего скакуна и, не оглядываясь на составлявшие караван повозки, медленно двинулся со двора. Караванчики, понукая запряженных и навьюченных животных, двинулись следом.

Наша повозка оказалась в голове каравана. Дорога была мягкая, утренний воздух свеж и прохладен, пустынная равнина снова расстелила перед нами свое необъятное пространство.

– Как быстро я привык к этой пустыне, – негромко проговорил Орзам. – Ведь мне, выросшему далеко на юге, она вначале казалась довольно страшной... А теперь мне кажется, что ничего прекраснее я не видел. И как она спокойна... Если бы человек мог достичь такого спокойствия...

– Интересное рассуждение, – откликнулся я. – Насколько я понял, ты был в учениках у чародея? Значит, должен знать, что для мага спокойствие – вещь самая необходимая. Неспokoйный маг такого наворочать может, что потом пятеро спокойных не расхлебают...

– Интересно вы, магистры, рассуждаете... – улыбнулся он в ответ. – Требуете от учеников абсолютного спокойствия, а сами в любую минуту готовы взорваться...

– Так ведь так и нужно!.. Быть абсолютно спокойным и в то же время готовым в любую минуту взорваться. И никакого противоречия здесь нет.

– Вот и бель Васар мне то же самое говорил... Только, наверное, я его недостаточно внимательно слушал... – Юноша пристально посмотрел на меня, потом перевел взгляд на разместившихся в передней части повозки има Ухтара и Уртусан. Затем он неторопливо посмотрел по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, тихо спросил: – А ты член Лиги?.. Из какого Круга?..

– Нет, – спокойно ответил я, – я не член Лиги. Более того, я никогда ни у кого из членов Лиги не учился и недостаточно хорошо представляю себе, что такое Большой и Малый Круг.

– Ты не был учеником?! – изумленно уставился на меня Орзам. – Но как же ты тогда стал магом? – Он неожиданно откатнулся от меня и прошептал: – Да и маг ли ты?!

– Хм... – Я был слегка озадачен такой бурной реакцией. – Ты ведь тоже проявил свои способности, еще не будучи учеником чародея. Так был ты тогда магом?

Видимо, такая постановка вопроса ему в голову не приходила, он задумался, смешно наморщив нос. Но я не дал ему долго раздумывать.

– Смотри, – привлек я его внимание и, запустив руку в свой походный мешок, достал один из метательных ножей. Для моего собеседника нож в моей руке появился просто из воздуха. У него удивленно раскрылись глаза, а я продолжил «урок». – Когда я вступил в схватку с нападшими на ваш караван бандитами, в моих руках были шпага и дага. И подошедший ко мне после боя бель Хакум был очень удивлен тем, что мое оружие исчезло. Он, правда, не спросил, куда оно делось, но сразу понял, что имеет дело с владеющим Искусством.

Я убрал нож обратно в мешок, вернее, нож выскользнул из моих пальцев и пропал в воздухе. Орзам внимательно наблюдал за моими манипуляциями, а потом снова уставился на меня вопрошающими глазами.

– Так как, маг я?.. – с усмешкой спросил я. Он, не сказав ни слова, кивнул головой.

– А то, что я не принадлежу к Лиге, должно тебя, наоборот, успокоить. Ведь насколько я понял, у твоего учителя с Лигой отношения тоже не сложились?..

– Откуда ты знаешь?.. – осторожно поинтересовался он.

– Твой отец счел возможным рассказать мне свою историю. Заметь, – подчеркнул я, – свою, а не твою... Но твою историю и историю твоего учителя мне тоже хотелось бы знать.

– Зачем? – Паренек мне по-прежнему не очень доверял.

– У меня свои, очень крупные счета к белю Озему. Поэтому для меня важна любая информация о нем и его окружении.

Орзам снова недоверчиво посмотрел на меня.

– Какие у тебя могут быть счета к Главному хранителю трона и Верховному адепту Черного бога?

Эта фраза в его устах прозвучала так, словно я был камешком, предъявившим претензии к наступившей на меня лошади. Но тем не менее я ему ответил:

– Ты слышал, не так давно по приказу Озема была сожжена девушка?

– Да... Учитель рассказывал об этом случае. Как раз перед нападением на его замок. Он был очень возмущен казнью служителя Второго Круга без вердикта высшего суда ханифата.

Я горько усмехнулся:

– Сожженная девушка, Злата... была моим большим другом...

– Так ты тоже с севера?.. – встрепенулся Орзам.

– Да, я из тех же мест, что и она... – подтвердил я истину, суть которой паренек не понял. Да и не мог понять... Пока...

– Так что, можешь ты мне рассказать о своем учителе и его... трениях с президентом Лиги. Как я понял, именно Лига, ее Большой Круг прикрывали атаковавших ваш замок гвардейцев?..

Орзам откинулся на подушки и надолго задумался. Когда я уже решил, что парень не собирается больше со мной разговаривать, он снова приподнялся, огляделся и тихо проговорил:

– Хорошо, слушай... Только я сам знаю далеко не все.

Он еще с минуту помолчал и начал свой рассказ:

– Очень давно, около ста лет назад, мой учитель – бель Васар – и теперешний Главный хранитель трона бель Озем были учениками одного очень могущественного магистра. Именно в то время между ними и началось соперничество. Бель Озем всегда был первым учеником, и все это беспрекословно признавали. Вот только бель Васар, также признавая первенство Озема, вел себя слишком независимо. Он, например, был яростным противником использования при составлении магических заклинаний живой плоти и крови. Васар утверждал, что любая жизнь священна и отбирать ее, даже в самых высоких и благих целях, преступление.

Озем и смеялся над упрямым юнцом, и доказывал, что для мага главное – Искусство, и любое средство его возвышения и развития применимо. Однако Васар продолжал упрямо гнуть свою линию. Он единственный из девяти учеников никогда не ел мяса, не бил животных, не носил меховой или кожаной одежды. Более того, повзрослев, бель Васар начал утверждать, что и умершую своей смертью плоть нельзя использовать для создания заклинаний и магических артефактов.

Вот это уже окончательно вывело беля Озема из себя, и он вызвал Васара на поединок. Они оба к тому времени уже были членами Лиги, а поединки между членами Лиги запрещены. Но бель Озем предложил бескровный и не опасный для жизни вариант. Площадь во дворе замка Лиги была расчерчена на небольшие квадраты. Эти квадраты соревнующиеся маги должны были занять своими магическими созданиями, при этом разрешалось с помощью магии уничтожать создания противника.

На этот поединок собрался практически весь Большой Круг. И бель Озем этот поединок проиграл!

Я не знаю, как это получилось. На все вопросы, касающиеся этой давнишней истории, бель Васар отвечал шутками и смехом. Лишь однажды у него промелькнула такая фраза: «Даже кровавый монстр любит, когда с ним обращаются по-хорошему...»

– Так что, твой учитель никогда и никого не убивал? – не выдержав, задал я вопрос.

Орзам бросил на меня еще один внимательный взгляд и ответил:

– Убивал... Но только защищая свою жизнь... Или жизнь доверившихся ему людей...

Затем он снова немного помолчал, словно вспоминая, на чем остановился, и продолжил:

– Так вот, бель Озем проиграл поединок, причем разгром был абсолютным. И после этого он пропал. Он ушел из столицы, и долгое время никто не знал, где он пропадал. О нем стали забывать, но через тридцать лет Озем вернулся... И всего лишь через год Великий ханиф назначил его Главным хранителем трона.

Через месяц после этого внезапно скончался президент Лиги. Это было настолько невероятно, что многие просто не хотели в это верить! За всю историю Великого ханифата Ариам это был первый случай смерти президента Лиги, до этого они всегда уходили в пустыню, назначив своего преемника! Тут же пошел слух, что к смерти президента приложил руку бель Озем. Но доказать ничего было нельзя, да и некому... Сам бель Озем, как занимающий должность Главного хранителя трона, тут же стал президентом Лиги.

Бель Васар всегда был далек от дворцовых дел, занимаясь исключительно теоретической и прикладной магией. Да и девять учеников требовали его постоянной заботы. Так что он не обратил никакого внимания на смену власти в Лиге и дворце. Его тоже никто не беспокоил – кому нужен был отшельник-маг, целиком погруженный в свое Искусство.

Но оказалось, что бель Озем не забыл о своем проигрыше и жаждал любой ценой взять реванш. Он хорошо подготовился к нападению на своего противника. Две недели назад по всем городам ханифата было объявлено, что член Малого Круга, служитель Первого Круга бель Васар поклоняется запрещенному богу, а в его замке готовится заговор против Великого ханифа. Буквально на следующий день замок беля Васара был атакован ханифской гвардией, а прикрывал ее Большой Круг Лиги.

Здесь Орзам горько усмехнулся.

– Трудно защищать замок и стараться при этом никого не убить. Нам удавалось держать такую странную оборону в течение двух дней. После этого гвардейцы поняли, что из любых магических ловушек, поставленных защитниками, они выбираются живыми. Только объяснили они этот феномен совсем не человеколюбием беля Васара, а могуществом Большого Круга. Ну и как только они это поняли, пошли на приступ безбоязненно. А уж сами они никого из защитников не щадили.

Когда стало ясно, что долго нам не продержаться, бель Васар приказал мне принести из правой надвратной башни серебряный бочонок с Мутной Жидкостью – страшной вываркой из черной крови земли, способной перенести целый замок в другое место страны. Он сказал, что это последняя наша надежда. Но когда я спустился в подвал башни, она рухнула, похоронив меня под обломками. А сразу после этого я почувствовал, как дрогнуло основание подвала, и понял, что взорвалась главная лаборатория учителя.

Он помолчал и, снова бросив на меня косой взгляд, очень тихо добавил:

– Самое интересное, что бель Озем был прав – мой учитель действительно поклонялся запрещенному богу Ахуроматте. Именно отсюда берут начало все его «чуждачества», именно такое отношение к жизни содержит учение Ахуроматты.

Орзам неожиданно резко поднял здоровую руку и нервно потер лоб.

– Еще двое суток я провел в подвале башни, а потом попробовал связаться со своим отцом. Все-таки не зря я полтора года провел в обучении у чародея, посвящая большую часть своего времени снам...

– Чему-чему?.. – заинтересованно переспросил я.

– Снам... – повторил он и пояснил: – Я изучал заклинания хождений по чужим снам и даже составил два новых наговора. И учитель очень хвалил мою работу.

Так что мне удалось, несмотря на довольно большое расстояние, связаться сначала с моей кормилицей, а потом и с отцом. Они приехали очень быстро и вытащили меня из заваленного подвала.

Орзам пожал плечами и, немного помолчав, добавил:

– Вот, собственно, и все... С самым белем Оземом я не встречался и даже его ни разу не видел. Так что не знаю, насколько мой рассказ может быть тебе полезен...

– Угу, – задумчиво промычал я, а потом поинтересовался: – Значит, ты изучал заклинания хождения по снам?

– Да... – Паренек кивнул лохматой головой.

– И что это дает? Просто просмотр чужого сна?..

Тут он хитровато улыбнулся.

– Точно такой же вопрос я задал своему учителю, когда он предложил мне заняться этой проблемой... Он мне быстро доказал, что сон не просто малопонятные картинки и разговоры. Сон – это отпечаток состояния человека, сгусток его желаний, тревог, надежд... Если применить нужные наговоры, сон способен рассказать о спящем хозяине практически все!.. Только я еще не слишком хорошо владею этим Искусством... – огорченно закончил он свое славословие сну.

– И ты можешь проникнуть в сон любого человека? Даже мага?.. – Интерес к этому разделу магии у меня значительно вырос.

– Ну, если он не применяет специальной защиты... – неуверенно подтвердил Орзам.

– Очень много сил отбирает эта магия? – Мои вопросы становились все напористее.

– Совсем нет... Особенно если ничего не собираешься в чужом сне менять, а хочешь только подсмотреть этот сон...

– Так ты можешь и показать сон?! – Моему удивлению не было предела.

Юноша улыбнулся.

– Ну не то чтобы показать... А так, слегка изменить. Но, правда, после этого может сильно измениться настроение человека после сна.

– Очень интересно, – медленно проговорил я, а в это время в моей голове метались тысячи мыслей. И все их необходимо было обдумать.

Орзам устало откинулся на подушки, и Уртусан, словно почувствовав, что ее драгоценный мальчик утомился, мгновенно оказалась около нас.

– Может, ты поспишь?.. – ласково предложила она, положив свою пухлую руку юноше на лоб и одновременно бросив на меня взгляд разъяренной кобры.

– Твоя кормилица совершенно права! – немедленно поддержал я ее. – Тебе просто необходимо поспать. А я немного поколдую над твоими ранами...

Взгляд Уртусан немедленно потеплел, и я счел возможным высказать еще одно пожелание:

– А тебя, уважаемая Уртусан, я попрошу сообразить что-нибудь питательное к его пробуждению. Хотя бы что-то вроде вчерашнего бульона...

Она только коротко кивнула. Я опустил глаза и увидел, что Орзам уже спит, едва слышно посапывая, словно маленький ребенок.

Я осторожно проверил его раны и нашел, что они прекрасно заживают. Потом я несколько усилил обмен веществ в его организме и увеличил выделение энергии. Конечно, он проснется голодным как волк, но об этом должна позаботиться Уртусан. Закончив свои манипуляции, я перебрался в передок повозки и устроился рядом с има Ухтаром. Мы помолчали, а потом он очень тихо спросил:

– Посоветуй мне, маг Илия, что я должен сделать?.. Мой мальчик был учеником человека, ставшего злейшим врагом самого беля Озема. Я не верю, что Главный хранитель трона оставит без внимания отсутствие одного из учеников своего врага. Скорее всего моего мальчика уже ищут по всему ханифату...

– Но тебя почему-то не взяли под наблюдение люди Озема, хотя было известно, что ты отец Орзама? – перебил я взволнованного старика.

– Нет. Этого никто не знал. Мальчика забрали из семьи ночью, без всякой огласки. Соседям я, по совету беля Васара, сказал, что отправил сына в столицу учиться. А откуда берется у мага новый ученик, никого в Лиге не интересует, если самим магом было получено на это разрешение. Лига считает, что Дар уравнивает всех, и не важно, из какой семьи обладающий Даром. Скорее даже считается нескромным интересоваться прошлой жизнью мага или ученика. Если открылся Дар, человек начинает жизнь сначала. Иногда он даже новое имя берет!.. Только вот теперь бель Озем очень заинтересован найти... моего сына... Живого или... мертвого. Что мне делать?!

Старый Ухтар смотрел на меня с тревогой и надеждой. И тут в моей голове из множества мельтешающих мыслей вывернулась одна. И она показалась мне самой стоящей! Быстренько обмозговав эту идею, я медленно проговорил:

– Лучший способ спрятать твоего сына – дать белю Озему найти его...

– Как?! – Има Ухтар от неожиданности выронил вожжи.

– Очень просто. Если бель Озем схватит твоего сына, то он будет в полной безопасности...

– Ты просто шутишь над моим горем... – подавленно выдавил старик и опустил голову. Я усмехнулся и слегка хлопнул его по плечу.

– Ты просто не понял меня, уважаемый има. Представь, что кто-то назовется спасшимся учеником беля Васара, и Озем схватит его. Будет после этого Главный хранитель трона разыскивать еще кого-то?

Старик поднял на меня изумленные глаза.

– Да... Но кто же согласится пойти на верную смерть, а может быть, и на страшные муки?..

– Тот, кому необходимо встретиться с белем Оземом, – жестко ответил я.

– Тот, кому необходимо встретиться... – завороченно повторил има Ухтар. – Но где найти такого человека?..

– Считай, что ты уже нашел его... – снова усмехнулся я. – И постарайся больше не думать и не говорить ни с кем на эту тему.

Старик уставился на меня. На его лице сменяли друг друга изумление, страх и облегчение. Наконец он отвел от меня взгляд и молча уставился на пылящую дорогу.

В этот момент к нашей повозке неторопливо приблизился бель Хакум, сонно покачиваясь в своем седле. Несколько секунд он молча ехал рядом с бортиком повозки, а потом лениво повернул голову в нашу сторону и сделал вид, что только сейчас заметил меня.

– А-а-а... Самодельный маг... Здоров будь, – хрипловато поприветствовал он меня и поинтересовался: – Как себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо... – коротко ответил я.

– А я вот что-то после нашей вчерашней беседы никак проснуться не могу... – пожаловался он. – И о чем только мы вчера разговаривали?.. Ничего не помню...

– Ну как же... – бодро ответил я, – ты же все меня о моем учителе выспрашивал. Кто он да сколько я у него в учениках хожу. Еще обещал мне протекцию у беля Озема устроить...

– Да?! – удивился Хакум. – Хм... Как есть все заспал...

– Ладно – «заспал»... Думаешь, я не понимаю... – Я вяло махнул рукой.

– Что ты понимаешь?! Что?.. – Бель открыл свои припухшие глаза пошире.

– Да то, что вчера спьяну наобещал, а сам ничего сделать не можешь... – усмехнувшись, ответил я.

– Что это я такого тебе мог наобещать? – запальчиво поинтересовался бель.

– Ты когда услышал, кто мой учитель, пообещал, что запросто устроишь мне встречу с президентом Лиги и сам поддержишь мою просьбу о вступлении в ее ряды. Еще говорил, что ты моя единственная надежда. А как камушек увидел, так и вообще сказал, что я твой лучший друг и могу уже считать себя членом Большого Круга.

– Какой камушек? – Глазки беля Хакума открылись окончательно.

– Да вот этот... – И тут я выдернул прямо из-под носа у непроспавшегося хозяина каравана крупный, мягко засветившийся желтым топаз.

Теперь у беля открылись не только глаза, но и рот. Через секунду он спрятал свою пасть в рыжей бороде, притушил алчный блеск в глазах и недоверчиво произнес:

– Ты вчера вечером показывал мне этот камень?..

– Конечно! – нагло соврал я.

– И Бастаг его тоже видел?

– Я думаю, – на моей физиономии проявилась двусмысленная усмешка, – иначе с чего бы ему так странно подмигивать?..

– А мне он говорит, что ничего не помнит. Я, говорит, усадил тебя в кресло, а потом этот малый – ты то есть – тут же приказал: «Отведи беля к нему в комнату и не оставляй его одного»... Больше, говорит, ничего не видел и не слышал...

– Ну, это ты сам со своим человеком разбирайся, что он тебе голову морочит... – Я безразлично поскреб зачесавшееся колено.

– И разберусь, – сурово буркнул Хакум. Затем он, непроизвольно бросив еще один взгляд на мой кулак, в котором был зажат топаз, толкнул пятками своего верблюда и порысил в голову каравана.

Когда он достаточно удалился, я наклонился к има Ухтару и тихо прошептал ему на ухо:

– Вот я сделал первый шаг к тому, чтобы назваться твоим сыном.

– Сам Ариман послал тебя мне на помощь!.. – прошептал старик в ответ.

– Не Ариман, а Ахуроматта, – тихо поправил я его. И мой тихий шепот едва не сшиб старика с облучка повозки на землю. Огромные очумевшие глаза немо уставились мне в лицо.

Старый Ухтар был настолько ошарашен, что молчал всю оставшуюся дорогу до Хар-корума. Через два часа проснулся Орзам, и Уртусан покормила его, удивляясь и радуясь его аппетиту. Има Ухтар тоже с довольным видом оглядывался на сына, постепенно успокаиваясь.

В город караван вошел около полудня, когда солнце расположилось в зените и поливало землю совсем не осенним теплом. Городок был маленький, пыльный, но густонаселенный и шумный. Сразу за воротами караван свернул на узкую улочку, тянущуюся между городской стеной и небольшими деревянными домиками городской бедноты. Пройдя по этой улочке пару кварталов, караван повернул направо, на более широкую улицу и почти сразу вышел к гостинице с примыкающим к ней обширным двором и хозяйственными постройками. Весь этот «гостиничный комплекс» был обнесен крепким забором.

Повозки и навьюченные животные медленно входили во двор гостиницы, а бель Хакум хмуро сидел на своем верблюде у ворот, наблюдая за размещением каравана. Когда наша повозка въехала в ворота, он толкнул пятками своего скакуна и, приблизившись, негромко пробурчал:

– Илия, освободишься – подойди ко мне...

Я молча кивнул и бросил взгляд на лежавшего в повозке паренька. Тот внимательно наблюдал за рыжебородым белем.

Има Ухтар остановил свою повозку посреди двора, и на этот раз я разрешил Орзаму самому дойти до входной двери гостиницы. Этот его поход завершился вполне благополучно, юноша чувствовал себя вполне окрепшим и настоял на том, чтобы обедать в общем зале. Отец, сын и кормилица разместились за столом, а я вышел во двор и подошел к белю Хакуму. Он все так же торчал у ворот, хотя весь караван был на дворе. Я понял, что он дожидается меня. Как только я подошел, он негромко заговорил:

– Я не знаю, откуда ты таскаешь шпаги, ножики, камушки, но если это все твое...

– А почему ты в этом сомневаешься? – перебил я его.

– Потому что обычно человек держит свое имущество при себе... А у тебя руки все время пустые... Ты вообще не имеешь багажа... Откуда я знаю, может, ты при помощи магии достаешь все, что тебе нужно, прямо из казны Великого ханифа?!

– Разве специалисты Лиги не охраняют ханифскую казну от подобного рода посягательств? – усмехнулся я.

Бель недовольно сморщился и продолжил, сменив тему:

– Кроме того, очень подозрительно, что ни я, ни Бастаг не помним содержания ночного разговора... – Он колюче взглянул на меня.

– Тут я с тобой согласен, – кивнул я утвердительно. – Не менее подозрительно то, что после твоего угощения на има Ухтара и на меня напала такая жуткая сонливость. Ты помнишь, мы заснули прямо за столом, так что я даже не помню, как оказался в своей постели...

Бель напряженно засопел, сообразив, что разговор опять принимает неприятное направление.

– Ладно, – перебил он меня, – я, собственно, о другом хотел поговорить. Тот камешек... ну, который ты мне показывал дорогой... ты что, действительно мне его предлагал?..

– Конечно! Только ты сказал, что вперед ничего не берешь...

– Что, так и сказал?! – Пораженный бель выпучил глаза.

– Да я сам удивился, – пожал я плечами.

– Видимо, я вчера вечером чем-то отравился, – задумчиво констатировал Хакум. – И что я тебе обещал?.. Только поподробнее...

– Я тоже не слишком точно помню... – неуверенно ответил я. – В общем, разговор шел о том, что ты мне устроишь аудиенцию у беля Озема. Правда, согласился ты это сделать только после того, как я рассказал тебе о своем учителе.

– Так, стало быть, учитель у тебя все-таки есть?.. – Бель был явно заинтересован. – Почему же он не может тебя сам представить Лиге?

– Потому что учитель у меня был... – многозначительно ответил я, – а теперь его не стало...

Тут до беля Хакума дошло, что могла означать описанная мною ситуация. Глазки его округлились, словно он опять увидел мой топаз. Облизнув свои узкие губы, он сказал слегка дрогнувшим голосом:

– Ладно, можешь считать, что мы договорились. Я постараюсь устроить тебе встречу с Главным хранителем трона...

По незаконченности его фразы я понял, что он ждет подтверждения в отношении моей благодарности. И я не стал обманывать его ожиданий.

– Тогда, бель, можешь считать камешек своим...

Бель слегка пожевал губами. Видимо, он ожидал, что я тотчас вручу ему драгоценность. Но не дождавшись от меня такой глупости, он глухо буркнул:

– Договорились... – И, тронув своего верблюда, направился прочь со двора в сторону центра города.

Я вернулся в гостиницу и буквально при входе столкнулся с насупленным Бастагом. Начальник нашей охраны хотел, видимо, проскочить мимо, но я схватил его за плечо и громко спросил:

– Куда торопимся, почтеннейший?..

– Никуда не торопимся, – грубо огрызнулся он и, стряхнув мою руку, добавил: – Обедай давай, а то через полчаса выступаем.

– Да разве почтенный бель Хакум успеет закончить свои дела в этом городе за полчаса? – удивился я.

– Успеет... – хмуро бросил он и заторопился прочь.

Я вернулся на свое место за столом има Ухтара и едва успел проглотить свой обед, как в зал буквально ворвался Бастаг и громким начальственным голосом прокаркал:

– Собирайтесь быстрее, караван сейчас отправляется!..

Народ вокруг заволновался и зашумел. Похоже, столь неожиданное отправление многим нарушило планы. Но начальник охраны, оглядев зал круглыми злыми глазами, еще раз повторил:

– Быстрее!.. – и вышел за дверь.

Орзам вполне самостоятельно, лишь слегка опираясь на плечо своей кормилицы, вернулся к повозке и снова устроился в ее задней части. Мы с има Ухтаром расположились на передке. Люди торопливо рассаживались по повозкам или седлали верховых животных, но четверо путешественников решили задержаться в городе. Сейчас они громко ругались с белем Хакумом, требуя, чтобы он вернул им часть денег, уплаченных за право присоединиться к его каравану. И самое интересное – через пару минут после начала скандала бель Хакум вытащил из-за отворота своего халата толстый кошелек и зло сунул каждому из скандалистов по большой монете. Те, ворча, вернулись в гостиницу, а «щедрый» бель засунул кошелек обратно на нагретое место и тронулся со двора.

«Интересно, что заставило этого сквалыгу вернуть плату?..» – мелькнул у меня в голове вопрос. Но поскольку узнать сию загадку не представлялось возможным, я перестал думать об этом случае.

Когда мы уже покинули город, хозяин каравана приблизился к нашей повозке и довольно пробурчал, обращаясь ко мне:

– Считаю, что твое дело решено... Завтра утром бель Озем примет тебя в своем кабинете во дворце Великого ханифа... Когда я получу обещанное?..

– Как только я переступлю порог дворца... – лукаво улыбнулся я.

Бель хмыкнул и направился на свое место во главе каравана.

Теперь мы двигались гораздо быстрее. Има Ухтар, поторапливая своего верблюда, пробормотал, явно обращаясь ко мне:

– Похоже, наш хозяин хочет сегодня к ночи успеть в столицу... Ишь как гонит караван...

– А что, разве мы должны были прибыть туда позже? – спросил я, радуясь, что старик вполне успокоился и снова начал разговаривать со мной.

– Мы должны были пробыть в Харкоруме не менее пяти часов, заночевать в придорожной таверне на полпути к столице и прибыть в Сарканд завтра утром. Видимо, что-то случилось...

И словно услышав слова отца, сзади раздался голос Орзама:

– Отец, что-то случилось?..

Я оглянулся и сразу понял, что юноша заволновался. Это могло отразиться на его выздоровлении, поэтому я быстро переместился в задний конец повозки. Не обращая внимания на настороженный взгляд Уртусан, сторожившей своего воспитанника, как курица цыпленка, я положил ладонь на лоб Орзама и тихо пробормотал успокаивающее заклинание.

Тело юноши сразу расслабилось, но глаза смотрели на меня, словно уговаривая объяснить, что произошло.

– Ты, наверное, сам понял, что бель Хакум повел караван быстрее, – спокойно произнес я. – Твой отец считает, что он хочет попасть в столицу уже сегодня к вечеру...

– Зачем?..

Я улыбнулся. Мне импонировала серьезность и любопытство этого молоденького ученика чародея. Он немного напоминал меня самого лет этак пятнадцать назад, когда я только познакомился с дедом Антипом. Кроме того, паренек прекрасно держался, несмотря на то что ему пришлось пережить и на полную неизвестность впереди.

Поэтому я ему спокойно ответил:

– Бель Хакум в разговоре со мной похвастал, что он является членом Большого Круга...

– Он врет... – перебил меня паренек.

– С чего ты это взял? – немедленно поинтересовался я.

– Первое, чему меня научил бель Васар, – это распознавать магов Лиги. Я могу отличить члена Большого Круга от простых жителей буквально с первого взгляда! – уверенно ответил он.

– Интересно... – протянул я. – Но об этом потом... Так вот, узнав от беля Хакума, что он член Лиги, я попросил его устроить мне встречу с ее президентом.

– С белем Оземом?.. – переспросил Орзам.

– Именно с ним, – подтвердил я. – За это я пообещал ему маленький подарок. Только что он сообщил мне, что договорился о моем свидании с белем Оземом...

– Он врет, – повторил Орзам. – Он просто хочет получить обещанный подарок.

– Не думаю, – возразил я. – Если только ему удалось связаться с Саркандом...

– Это очень просто, – снова перебил меня Орзам, – достаточно подойти к любому из магов Лиги, живущему в городе, и он при наличии действительно серьезной причины немедленно свяжется с замком Лиги.

– Ну, тогда бель Хакум говорит правду...

– Не думаю, – возразил юноша. – У беля Хакума не может быть достаточных оснований для разговора с Лигой. Если только... – И он с тревогой посмотрел на меня, а потом на свою кормилицу. Я очень хорошо понял, какая мысль пришла ему в голову.

– Нет, молодой человек, – успокоил я его. – Я не для того спасал тебя, чтобы выдать нашему общему смертельному врагу. Бель Хакум действительно сообщил, что в его караване едет ученик беля Васара. Только при этом он имел в виду меня...

– Как – тебя?! – изумленно пролепетал парнишка, а его кормилица широко раскрыла свои темные, совсем по-молодому блеснувшие глаза.

– Я ему сказал, что хочу вступить в Лигу, но меня некому представить, поскольку мой учитель внезапно умер... Он, конечно, догадался, кто должен быть моим учителем. Сообщив об этом, наш благодетель, бель Хакум, убивает двух зайцев: получает подарок от меня и благодарность от беля Озема. Вот поэтому он так и спешает.

Я немного помолчал, с удовольствием наблюдая, как на лице мальчишки изумление сначала сменяется облегчением, а потом все более нарастающей тревогой, а потом строго добавил:

– А тебя, молодой человек, я убедительно прошу забыть о том, что ты где-то и когда-то учился магии. Ты просто возвращаешься домой из не совсем удачного путешествия, принятого с целью повидать свет!.. Ясно?!

Он кивнул, а потом торопливо возразил:

– Нет! Так нельзя!.. Тебе ни в коем случае нельзя встречаться с Главным хранителем трона! Ты просто не представляешь, что тебя ожидает!.. – В его голосе звучало отчаяние.

Меня тронула его тревога, но ответил я сдержанно, даже сурово:

– Мне очень нужно попасть во дворец Великого ханифа и встретиться с белем Оземом. И делаю я это совсем не ради удовольствия и не в целях мести. Хотя право на месть у меня имеется. И ты, мой друг, можешь мне очень помочь...

– Я готов... – сразу откликнулся Орзам.

– Господин, мальчик еще так слаб!.. – одновременно с ним воскликнула Уртусан.

Я с улыбкой взглянул на обоих, а ответил пожилой встревоженной женщине:

– Во-первых, уважаемая, твой мальчик замечательно поправляется и вполне окреп, а во-вторых, я не потребую от него каких-то необычайных подвигов...

Затем я повернулся к Орзаму и объяснил:

– Я встречаюсь с белем Оземом завтра рано утром. Если сможешь, попробуй сегодня ночью пройти по его снам. Неплохо было бы узнать, чем он живет и, кроме того, если удастся, поселить в его душе неуверенность... этаким иррациональный страх и необъяснимое сомнение. В общем, нарушить ему душевное равновесие. Как, сможешь, ученик?..

Орзам улыбнулся и ответил:

– Постараюсь...

– Ну вот и прекрасно, – улыбнулся я в ответ. – А сейчас отдыхай и набирайся сил. – Я еще раз провел ладонью по его лбу и полез обратно на передок повозки.

Наш уменьшившийся караван быстро продвигался вперед. Казалось, все караванчики поняли, что бель Хакум без сожаления бросит любого отставшего, лишь бы успеть дотемна в столицу. Правда, в такой близости от Сарканда напороться на разбойничью шайку было маловероятно, но тем не менее все старались удержаться в заданном темпе.

Вскоре вдаль показался, быстро накатился и остался позади небольшой постоялый двор, где, по словам старого Ухтара, мы должны были ночевать. Пустынная степь, по которой двигался наш караван, как-то незаметно подстелила под колеса повозок и копыта верховых верблюдов сухую бурую пыль разбитой дороги. По ее краям стали возникать небольшие селения, состоявшие из довольно ветхих домишек. Вдалеке от дороги начали появляться рощицы и перелески.

Солнце склонилось уже довольно низко. Пыльная степная дорога превратилась в хорошо наезженный широкий тракт. Кроме нашего каравана, на ней появились и другие путешественники, в том числе много верховых на самых обычных лошадях. Очень часто по обочинам дороги попадались различного рода питейные и закусочные заведения. И все их опытный има Ухтар называл почему-то чайными. В порыве откровенности он поделился со мной своей мечтой – побывать в одной известной чайхане в Сарканде, где, по слухам, снова начал петь знаменитый поэт и музыкант Ширван.

Как только он назвал это имя, перед моими глазами снова встало пламя костра, над которым стояла Златка со сведенными за спиной руками, и юноша, падающий на мощеную площадь со стрелой в горле. А старик с восторгом рассказывал:

– Я слышал Ширвана только однажды, очень давно, когда он был совсем еще мальчишкой... Ты знаешь, Илия, Ширван не мог петь несколько последних лет, ему горло обожгли. И вот теперь он снова дает концерты. Говорят, какая-то девчонка с севера вылечила его горло. Просто невероятная история...

– Отчего же – невероятная, – через силу ответил я. – Именно так все и было... Только Ширван уже больше не выступает... И никогда не будет выступать. Замолк ваш «серебряный голос».

– Почему? – удивленно и недоверчиво спросил старик.

– Убили Ширвана...

– Кто?!

– Ханифские лучники. Девушку, которая его вылечила, по приказу беля Озема поставили на костер, а Ширван хотел ее освободить. Вот его и застрелили...

Има Ухтар повесил голову и замолчал. Он так больше ни слова и не сказал до самого въезда в город. Я не нарушал его молчания. Наконец, когда в вечерних сумерках показались городские ворота, я краем уха расслышал его тихий-тихий шепот, сложившийся в знакомое: «Мы спали и ели, мы ели и спали...»

Остановился караван на окраине города на маленьком постоялом дворе. Прежде чем мы успели слезть с повозки и размять затекшие от долгой и тряской дороги ноги, ко мне подскакал бель Хакум и предупредил:

– Завтра на восходе солнца я буду ждать тебя во дворе... Готовь камень... – И он тут же покинул караван, ускакав в центр города.

Има Ухтар остался во дворе заниматься устройством на ночь верблюда и повозки, а мы направились в дом. Там мы обнаружили маленького радушного человечка, оказавшегося хозяином этого заведения. Он быстро разместил нас по комнатам и пообещал «ханифский» ужин. Мне, собственно говоря, совершенно нечего было делать в отведенной мне каморке с одной узкой кроватью, поэтому я спустился в общий обеденный зал. Заняв место возле стойки, я попросил бокал легкого белого вина и принялся ждать обещанный ужин, от нечего делать разглядывая немногочисленных посетителей.

Постепенно в зале начали собираться путешественники, прибывшие с нашим караваном. Они занимали столики и обменивались веселыми замечаниями по поводу сегодняшней гонки. В общем-то все были довольны, что добрались до столицы на полсуток раньше. Наконец в зале появились и мои попутчики. Мы уселись за один столик и через несколько минут получили действительно великолепный ужин.

Орзам, несмотря на явное волнение, ел с отменным аппетитом. Я также отдал дань кухне нашего хозяина и его винному погребу, особенно уже попробованному мной белому вину. Разговор шел достаточно вяло и как-то ни о чем. Только в конце ужина я задал интересовавший меня вопрос:

– Орзам, когда ты думаешь попробовать?..

– Не раньше трех-четырех часов ночи... Именно в час черного козла людей посещают чистые сны...

– Чистые?.. – не понял я.

– Чистыми мой учитель называл сны, в которых отображаются истинные устремления человека... Его подлинное лицо... До часа черного козла человек еще недостаточно погружен в сон и его сновидения носят поверхностный характер, отображают, как правило, события совсем недавнего прошлого. После часа черного козла спящий выходит из глубин сна и уже может контролировать сновидения. Опытный маг может даже почувствовать наличие в своем сне чужой воли...

– А можно мне присутствовать при твоём... опыте? – попросил я.

Юноша смущенно улыбнулся и ответил:

– Я сам хотел просить тебя посидеть рядом со мной. Мне может понадобится помощь...

– Тогда я к трем часам подойду... – предложил я.

– Лучше к половине третьего. Как раз в это время колокол на главных часах отбивает вторую стражу.

После этого Орзам поднялся и в сопровождении своей кормилицы отправился в свою комнату. Мы с има Ухтаром посидели еще немного и также разошлись по своим комнатам.

Я понимал, что завтра мне предстоит очень тяжелый день, и поэтому необходимо отдохнуть. Быстро раздевшись, я юркнул под одеяло, настроившись проснуться по удару часового колокола.

Заснул я практически мгновенно и спал спокойным сном без всяких сновидений. Когда я проснулся, над темными городскими крышами плыл тяжелый отголосок колокольного

удара. Вторая стража! Я быстро оделся и вышел в коридор. У двери стояла Уртусан, явно дожидаясь моего появления. Когда я подошел, она тихим умоляющим голосом прошептала:

– Я прошу тебя, господин, не давай моему мальчику долго колдовать. Он еще так слаб...

Неожиданно для себя я погладил пожилую женщину по темным с проседью волосам и ласково ответил:

– Не волнуйся за своего питомца, я не собираюсь причинить ему вреда...

– Я знаю, господин. – Ее глаза блеснули слезой в темноте коридора. – Я знаю... – И она посторонилась, пропуская меня в комнату.

Орзам был один. Его небольшая комната была слабо освещена прикрепленной к спинке кровати свечой. На голом полу розовым мелком был нарисован неровный круг, разделенный корявыми линиями на семь достаточно равных частей. В центре этого круга стояла небольшая белая фарфоровая чашка. Когда я вошел, Орзам, до пояса раздетый и натертый какой-то блестящей мазью, молча кивнул в сторону кровати. Я быстро прошел и уселся на указанное место. Юноша развязал завязки маленького холщового мешочка, который он держал в руках, и насыпал в чашку щепотку серой, странно поблескивающей пудры. Затем он спрятал завязанный мешочек в небольшую котомку, которую я раньше никогда у него не видел, и достал оттуда большое драже, поблескивающее розовой глазурью.

Повертев эту конфетку между пальцами, он повернулся в мою сторону и негромко проговорил:

– Во время своего хождения я буду сидеть на полу... Если я начну сильно раскачиваться или повалюсь на пол, тебе надо будет быстро привести меня в чувство... Правда, я не могу тебе сказать, как это делается, это всегда делал мой учитель. Но мне почему-то кажется, что ты сможешь это сделать...

Я только молча кивнул.

Орзам уселся по-турецки на голый пол возле розового круга, с секунду, словно в чем-то сомневаясь или что-то вспоминая, молча посидел, а затем сунул в рот свою карамельку. После этого он закрыл глаза и минуты три сидел совершенно неподвижно. И вдруг все его тело сотрясла судорога, волной прошедшая от шеи до согнутых ног. Его глаза открылись, и он уставился на указательный палец своей поднятой правой руки. Через секунду над этим пальцем появилось маленькое пламя. Было похоже, что горит ноготь на пальце. Орзам наклонился вперед и сунул палец в белевшую на полу чашку. Несколько секунд ничего не происходило, а потом юноша снова выпрямился и положил свою руку на колено. Никакого пламени на пальце уже не было, а из чашки пополз слабый язычок сероватого тумана.

Очень быстро этот язычок превратился в довольно плотное облачко, которое закучерявилось над чашкой переливающейся шапкой. Неожиданно из облака выметнулся серый шлейф, который, словно живой, принялся ощупывать пол вокруг чашки, постепенно смещаясь в сторону юноши. Он будто бы вслепую пытался отыскать верное направление. Через мгновение этот шлейф замер, поймав направление на сидящего юношу, а затем все волнующееся серое облачко стало медленно перетекать через края чашки. Мне даже показалось, что чашка слегка наклонилась, словно перекинувшийся через ее край сероватый шлейф внезапно отяжелел. Облачко узкой струйкой потекло к Орзаму, а со дна чашки поднимались все новые и новые бледно-серые клубы.

Вот серая пелена слегка коснулась подогнутых ног и, разделившись на два ручейка, поплыла по ним тоненькими струйками. Достигнув тела, эти струйки начали подниматься вверх, охватывая обнаженный, масляно поблескивающий торс юноши двумя встречными спиралями. Когда эти спирали достигли его горла, я испугался, что они задушат Орзема, но он продолжал спокойно, с закрытыми глазами сидеть в своей неудобной позе, и его дыхание ничуть не нарушилось.

Несколько мгновений охватывающий его горло туманно-серый шарф набухал и уплотнялся, а затем из этой движущейся, перекачивающейся мути резко выметнулись два узких рукава, и, перечеркнув накрест лицо Орзама, скрыли его закрытые глаза и охватили его голову плотным туманным кольцом. Теперь молодой человек был перехвачен, словно спеленат серыми, туманно-дымными жгутами, которые перемещались по его телу, не расплываясь и не рассеиваясь.

Чашка, будто некий химический реактор, непрерывно производила все новые и новые порции этого тумана, который тянулся к человеческому телу, а затем обтекал его в раз и навсегда заданном маршруте. Это движение было явственно видно, и при этом совершенно непонятно, куда девался туман, прошедший весь отмеренный ему путь после того, как он обвивал голову юноши. Во всяком случае, образовавшееся вокруг его головы дымное кольцо не увеличивалось и не уменьшалось, продолжая медленно вращаться двумя строго разделенными потоками навстречу друг другу.

В комнате стояла оглушающая тишина, посреди которой эта неподвижная и в то же время находящаяся в непрестанном движении фигура выглядела странно и... страшно.

Через несколько то ли мгновений, то ли часов, в течение которых я не отрываясь смотрел на неподвижного Орзама, мои глаза начали слипаться, а голова тяжело клониться вниз. Я засыпал, замороженный этим переливчатым дымно-серым безмолвным движением.

Ну со своей сонливостью я справился быстро, все-таки кое-какая подготовка у меня тоже была. Кроме того, я принялся, правда, очень осторожно, прощупывать природу этой подвижной туманной пелены. Довольно быстро до меня дошло, что эта интересная субстанция каким-то образом накоротко замыкает пространство между охваченным ею мозгом и неизвестным объектом, расположенным довольно далеко от местонахождения мозга-рецептора. При этом она служит еще и проводником для непонятно откуда идущих импульсов. Впрочем, как я понял, разрушить структуру этой туманной суперпроводящей системы ничего не стоило, достаточно было сложить простое заклинание на чистом русском языке – этаким детский стишок. Поняв это, я даже довольно усмехнулся.

Между тем времени с момента начала нашего смелого эксперимента прошло довольно много. Правда, я не слишком волновался – Орзам сидел совершенно неподвижно, ни о каком «раскачивании» не было и речи. И все-таки ему уже следовало закончить свое путешествие по чужому сну. И словно в ответ на возникшее у меня беспокойство лицо Орзама внезапно исказила судорога, будто он получил сильный удар, а тело резко наклонилось влево. Я, собственно, даже не понял, как он сумел сохранить равновесие при таком качке. Но жирно поблескивающий торс медленно выпрямился и снова застыл в своей привычной позе. Прошло еще несколько минут, и его лицо снова свела судорога. Я не стал дожидаться последствий этого «удара», а быстро пробормотал составленное заклинание.

В то же мгновение чашка, стоявшая на полу, с громким звоном раскололась пополам, и распавшиеся осколки словно подбросили вверх последнюю порцию серого тумана. Обвивавшие тело Орзама туманные жгуты порвались в нескольких местах, и целенаправленное прежде движение внезапно стало хаотичным. Туманные хвосты разлетелись в разные стороны, как будто потеряв смысл своего движения. Дымное кольцо, охватывавшее голову юноши, просто поднялось вверх хлопком дыма и рассеялось в воздухе. Орзам открыл глаза и заморгал, как только что проснувшийся человек от яркого света.

Я подскочил к нему и помог подняться. Затем, сопроводив его к кровати и уложив под одеяло, я присел рядом и молча посмотрел ему в глаза. Орзам не выглядел усталым.казалось, он действительно только что проснулся. Но на его лице было некоторое ошеломление, как у человека, который не помнит, где и как он заснул и почему находится именно здесь.

Однако это его состояние длилось достаточно недолго. Скоро он вполне осмысленно посмотрел в мое лицо и неожиданно спросил:

– Как ты догадался вытащить меня именно в этот момент?..

– В какой момент? – не понял я.

– Понимаешь, я вдруг почувствовал, что бель Озем догадался о чьем-то присутствии в своем сне. И именно в этот момент меня из его сна буквально выдрали!..

– Хм... – Я, признаться, был слегка удивлен. – А ты сам что, не можешь покинуть чужой сон?

– Могу, но это довольно долгий, постепенный процесс. Ведьходишь в чужое сновидение медленно и осторожно, и выходить из него приходится так же. А тут – мгновенное изъятие. Я не представляю, как себя чувствует бель Озем!..

– Ну, мы, пожалуй, не будем беспокоиться о его здоровье, – усмехнулся я. – Лучше, если тебе не трудно, расскажи, что ты там увидел и сделал?..

Он потер пальцами виски и улыбнулся.

– Мой рассказ будет несколько сумбурным, так что не обессудь...

– Зато это будет рассказ по горячим следам, а значит, самым непосредственным и точным... – парировал я с точно такой же улыбкой.

– Хорошо, слушай... – Орзам на секунду задумался, а потом продолжил: – Я думаю, что бель Озем сегодня очень поздно лег в постель, потому что когда я проник в его сновидение, там мельтешили какие-то неясные образы, совершенно не связанные в какую-либо последовательную картину. Может, это было и к лучшему – я успел спрятаться, раствориться в этих туманных картинках, и когда пришел чистый сон, меня уже нельзя было обнаружить, и я не нарушал хода сновидения. А сон был следующий.

Высокий плечистый мужчина, с волосами цвета воронова крыла, стоял у подножия высоченной горы. Дул сильный порывистый ветер, и просторный белоснежный балахон с откинутым капюшоном трепало и рвало на высокой фигуре. Но мужчина не обращал внимания на бушующую вокруг него стихию. Все его внимание было приковано к вершине горы, на которой расположился человек, едва различимый на таком расстоянии. Между тем стоящий внизу точно знал, что тот, наверху, сидит на ковре, расстеленном прямо на камнях, в расслабленной позе, облокотясь на твердый, туго набитый валик, и рассеянно смотрит в небо.

– Ты знаешь, – Орзам отвлекся от виденного сна и быстро взглянул на меня, – этот мужчина из сна был совершенно не похож на беля Озема, но тот почему-то отождествлял себя с этой величественной фигурой. Так вот, это странное наблюдение длилось несколько секунд, а потом черноволосый гигант опустил глаза и пробормотал: «Пора!...»

И мгновенно из ниоткуда появилось огромное количество маленьких юрких человечков, которые словно муравьи побежали цепочками по склону горы в разных направлениях. Некоторые из них несли какие-то непонятные инструменты, некоторые – большие корзины. Иногда двое-трое из них тащили огромное бревно или какую-то замысловатую конструкцию. Первое время вся эта суeta представлялась совершенно бессистемной, но постепенно я понял, что вся эта огромная армия человечков роет множество крошечных тоннелей в горе. Они трудились без отдыха, не останавливаясь и не разговаривая друг с другом. Порой некоторые из них падали прямо посреди своего движения и больше не шевелились. Этих небрежно отбрасывали в стороны двигавшиеся следом. А пару раз огромная черноволосая фигура наклонялась над суетящимися малютками и коротким щелчком толстых пальцев отшвыривала некоторых из них в сторону, словно они мешали остальным. Все, кого коснулись эти страшные пальцы гиганта, больше уже не двигались.

Сначала я не понимал, в чем суть и цель этой суетливой деятельности. Мне даже пришлось слегка высунуться из-за своего прикрытия, чтобы получше рассмотреть, что творится вокруг. Но черноволосый тут же бросил взгляд в мою сторону, и я поспешил спрятаться.

Только постепенно до меня дошло, что человечки роют гигантский подземный ход, по которому их огромный повелитель сможет забраться на самую вершину горы.

Хотя сновидение длилось всего несколько минут, черноволосый начал проявлять нетерпение. Действительно, по меркам сна сооружение подземного хода шло очень медленно. Гигант начал нервничать и все чаще «наказывать» щелчками копошащихся малышей. Это было страшно, потому что в ткань сновидения начала вплетаться кровь. Теперь упавшие фигурки пятнали камни и траву вокруг себя красным. Именно в этот момент бель Озем впервые вмешался в ход своего сновидения. Он попытался остановить гиганта или хотя бы умерить его кровожадность.

Орзам снова взглянул на меня и снова отвлекся от событий сновидения, чтобы пояснить свои ощущения.

– Было такое впечатление, что бель Озем пытается остановить, окоротить себя самого... И это у него не слишком получалось. – Орзам секунду помолчал и продолжил свой рассказ:

– И все-таки подземный ход постепенно уходил в глубь горы. А лежащий на ее вершине по-прежнему не обращал внимания на суету у ее подножия. Почему-то это доставляло черноволосому странную радость и удовлетворение. Словно он рассчитывал именно на такое поведение лежащего на вершине. Словно именно такое поведение обеспечивало успех его усилиям. Именно в этот момент я попытался вмешаться и слегка изменить ткань сновидения. – Здесь паренек едва заметно усмехнулся.

– Ну-ну, и что же ты сделал?.. – Мой неподдельный интерес пришелся ему по вкусу.

– Сначала я обрушил часть уже прорытого хода. Правда, при этом завалило довольно много мелюзги. – Его лицо огорченно нахмурилось. – Поэтому больше ничего я обрушивать не стал, а начал понемногу рассеивать эти стройные рабочие колонны. Они перестали тупо шагать друг за другом и сосредоточенно суетиться в своих тоннелях. Они начали разговаривать друг с другом, присаживаться, а то и укладываться, устраивая себе отдых.

Великан бросился наводить порядок среди своих рабов, и в этот момент сидевший наверху наклонился над пропастью и внимательно посмотрел вниз...

Это было мое лучшее действие. Оно страшно расстроило и встревожило черноволосого. Но, к сожалению, именно в этот момент он почувствовал мое присутствие и принялся озираться в поисках «вредителя». Я постарался запрятаться еще глубже, но он мгновенно определил мое местонахождение и направился напрямик ко мне... И в этот момент ты меня выдернул...

Мы немного помолчали, а затем я спросил:

– И как ты объяснишь этот сон?

Он снова улыбнулся.

– Я думаю, что бель Озем совершенно потерял всякую опаску и поэтому это сновидение необычайно чисто и прозрачно. Наш Главный хранитель трона вознамерился занять вершину в этом государстве – стать Великим ханифом. Он строит тайный заговор с целью свержения династии, и в этот заговор втянуто уже очень много людей. Много людей погибло именно из-за того, что они мешали осуществлению заговора. Он уже достаточно близок к цели, но не хочет торопиться, не хочет выглядеть узурпатором.

Орзам замолчал, задумавшись над чем-то, а затем несколько растерянно добавил:

– Только у меня такое впечатление, что бель Озем старается не для себя... Нет, – быстро поправился он, – престол в результате заговора займет именно бель Озем, но он делает это не для себя, а...

– Для своего хозяина... – добавил я, мгновенно вспомнив рассказ беллы Коры о первом Черном маге – основателе Великого ханифата Ариам.

– Может быть... – согласился юноша, задумчиво глядя на меня. – Только теперь у беля Озема очень испортится настроение и в голову полезут сомнения... – Он довольно ухмыльнулся.

– Это из-за твоих пакостей в его сне, – улыбнулся я в ответ.

– Ага!.. – Его улыбка стала еще шире и совсем мальчишеской.

– Ладно, – я положил ему на плечо руку, – ты давай отдыхай. Теперь моя очередь воровать...

И тут он меня удивил. Внимательно и совершенно серьезно он взглянул мне в глаза и тихо произнес лишь одно слово:

– Удачи!..

А затем отвернулся к стене и натянул на голову одеяло.

Я тихо ответил одеяльному кульку:

– Спасибо. – Затем неслышно встал с кровати и вышел за дверь прямо под настороженный взгляд бодрствующей Уртусан.

– Все в порядке... – кивнул я ей и, не оборачиваясь, направился к своей комнате. У меня за спиной тихо скрипнула дверь в комнату Орзама.

Вернувшись к себе, я уже не стал ложиться в постель. Мне совершенно не хотелось спать, да и утро наступало не по-осеннему стремительно. Обдумывая все, что мне удалось узнать о своем противнике, я пытался просчитать его действия и свои ответы. Мне по-прежнему не хватало информации для построения сколько-нибудь точного плана нашей встречи, и все-таки кое-какие сюрпризы я мог приготовить. Только сделать это надо было непосредственно перед нашей встречей.

Между тем за окном развиднелось. Бледное осеннее небо было абсолютно чистым. Утренняя тишина, такая хрупкая и неустойчивая, еще висела над спящим городом. «Пора», – решил я и, покинув свою комнату, двинулся к выходу из гостиницы. Внизу, в обеденном зале, за стойкой сидел молодой паренек, видимо, подменявший хозяина в эти спокойные часы. Он положил подбородок на скрещенные руки и мерно посапывал в полумраке зала, но стоило мне коснуться его плеча, как паренек тут же открыл глаза и вопросительно уставился мне в лицо.

– Мне необходимо уйти, – прошептал я.

– Еще ж очень рано, – удивился он. – В городе все закрыто...

– Меня ждут... – Я был серьезен, и дежурный не стал со мной спорить.

Он сполз со своей высокой табуретки и пошел открывать дверь. Когда я выходил, он неожиданно спросил:

– Ты скоро вернешься?.. Дверь не закрывать?..

– Закрывай свою дверь, – усмехнувшись, ответил я. – Скорее всего ты меня больше не увидишь...

– Так что ж ты без багажа уходишь?.. – встревоженно спросил паренек.

– Не волнуйся, – успокоил я его, – все мое со мной...

Он покачал головой, но больше спрашивать ничего не стал, а молча смотрел мне в след, пока я не вышел со двора гостиницы.

Сразу за воротами меня уже ждали три всадника на высоких гнедых лошадях, в одном из которых я сразу узнал беля Хакума. Двое остальных явно были стражниками, или, вернее, офицерами охраны дворца. С ними была еще одна оседланная лошадь. Я молча вскочил в седло, и мои сопровождающие шагом направились в сторону центра города. Чем-то обернутые копыта глухо топали по каменной мостовой.

Мы неспешно ехали по едва пробуждающемуся городу, а мне почему-то хотелось перейти в галоп, пронестись по гулким улицам, и чтобы вслед распахивались встревоженные окна и высовывались заспанные взъерошенные люди.

Однако мои провожатые не спешили. Мы продвигались вперед все тем же мерным, неспешным шагом, а вокруг нас медленно рос город. Здания становились выше и причудливее, улица расширялась, и на смену булыжнику под копыта лошадей легла брусчатка. Судя по всему, мы приближались к центру. Я решил, что пора вплотную заняться подготовкой к свиданию с Главным хранителем трона и президентом Лиги магов.

Первым делом я негромко произнес универсальную формулу, открывающую Истинные Зрение, Слух и Осязание. Услышав мое бормотание, бель Хакум бросил на меня быстрый взгляд, на который я ответил полной безмятежностью. Оба стражника даже не повернули голов в мою сторону. И напрасно. Возможно, им удалось бы уловить во мне некоторые изменения. Следом за этим я нашептал еще одно, очень интересное заклинание, в результате которого от моего сознания отщепилась крошечная, практически незаметная искорка. Эту искорку я запрятал глубоко-глубоко в недра собственного разума. Там она должна будет храниться – так, на всякий случай, а вдруг понадобится. Я очень хорошо помнил, в каком состоянии вышел из славного города Сарканда магистр по прозвищу Лисий Хвост...

Едва я успел закончить все манипуляции, как наша компания выехала на уже виденную мной площадь перед дворцом Великого ханифа. Мы пересекли пустую площадь и направились в сторону калитки, ведущей к боковому входу во дворец. Каких-нибудь двадцать дней назад именно через эту калитку во дворец вошла Злата.

Как только я вспомнил нашу девочку, у меня свело скулы и сквозь стиснутые зубы вырвалось тихое рычание. Да, похоже, я был полностью готов к схватке.

Мои сопровождающие остановились, и стражники спешили. Я тоже спрыгнул на мостовую. Только бель Хакум остался в седле, выжидая, уставившись на меня. И я не обманул его ожиданий. Бросив открывшим калитку офицерам: «Минутку...», – я подошел к белю и протянул ему обещанный топаз. А когда он слегка наклонился и взял камень, я перехватил его запястье и дернул на себя. Бель непроизвольно нагнулся ко мне, и я шепнул ему в самое ухо:

– Прими с благодарностью от Серого Магистра...

Отпустив его руку, я быстро шагнул к своему конвою, и мы втроем вошли в маленький зеленый дворик перед скромной боковой дверью дворца. Только когда мы уже были у самого порога, до беля Хакума дошел смысл моей фразы. Со стороны улицы раздалось растерянное мычание, а затем истошный крик:

– Господин начальник стражи!.. Господин начальник стражи!..

Но один из офицеров лишь повернулся и грубо проорал:

– Ты все уже получил! Проваливай!..

И мы вошли во дворец.

Здесь, по-видимому, тоже все еще спали. Во всяком случае, в длинных коридорах, по которым мы проходили, нам не встретилось ни одного человека. Вскоре мы вышли на знакомую мне по Златкиному дневнику площадку, с которой начиналась роскошная мраморная лестница, поднимавшаяся на второй этаж широким светлым каскадом по центру пролета, а со второго этажа на третий двумя узкими беломраморными языками. Мой почетный караул проводил меня до третьего этажа и свернул налево в короткий коридор к тяжелой резной дубовой двери. Я шел этим путем с таким чувством, словно уже однажды прошел его... Хотя в общем-то так оно и было.

Шагавший впереди офицер потянул на себя роскошную бронзовую ручку и мы вошли в скромную приемную. За столом сидела пожилая женщина. Я слегка растерялся, но сразу

вспомнил, что прежнего секретаря беля Озема пристрелила моя ученица. Секретарша подняла голову от каких-то своих записей и совершенно будничным тоном спросила:

– Уже доставили?.. – А потом с интересом уставилась на меня. Оглядев мою фигуру с ног до головы, она пробормотала недовольно: – Староват он для ученика... – Затем она вышла из-за стола и, открыв дверь, ведущую в кабинет, громко сказала: – Прибыл просивший о встрече человек...

Я не слышал, что ей ответили и ответили ли ей вообще, только она повернулась ко мне и сделала приглашающий жест. В следующее мгновение я уже стоял в начале похожей на подстриженный газон ковровой дорожки, которая бежала через невероятных размеров кабинет к стоящему у дальней стены письменному столу. За столом виднелась маленькая фигурка беля Озема, закутанная в черный балахон.

Но прежде чем двинуться по этому чуду коврового искусства, я внимательно всмотрелся в прекрасный гобелен, занимавший всю стену позади письменного стола хозяина кабинета. И тут я понял, про какой город рассказывал мне бель Хакум.

Однако долго раздумывать над своим открытием я не мог, меня звала ковровая дорожка. И я шагнул по ней к «городу».

Бель Озем сидел за своим столом, молча и совершенно неподвижно ожидая, когда я приближусь к столу. Он не торопился подниматься из-за стола и тогда, когда я остановился напротив, также молча разглядывая его. Наше молчание затягивалось, но я совершенно сознательно отдавал инициативу разговора в его руки и ожидал его первых слов. И наконец дождался.

– Я слушаю тебя. Зачем ты просил о встрече? – Его голос был ровен, хорошо поставлен и необычайно красив.

«Ну, прямо оперный певец...» – неожиданно подумалось мне. А вслух я сказал:

– Мне кажется, что бель Хакум поставил тебя в известность о моих проблемах...

Бель Озем недовольно поморщился.

– У этого Хакума на кончике языка очень много слов и очень мало информации. Так что Расскажи-ка сам о своих... проблемах... Только не вздумай толковать мне о своем якобы безвременном умершем учителе. – Он холодно блеснул глазами. – Безвременно умер у нас только бель Васар, но ты не можешь быть его учеником. Я прекрасно знаю, что его ученики совершенно не умели обращаться с оружием. А вот ты, как мне доложили, владеешь им в совершенстве... Так что говори правду!..

Вот так! Бель Озем действительно неплохо подготовился к нашей встрече. Магическим Зрением я отчетливо видел окружающее голову беля золотистое сияние, состоявшее из отдельных тончайших нитей. У самой его головы эти нити сияли чистым солнечным блеском, но по мере удаления это сияние тускло и постепенно совершенно исчезало. Нити становились невидимыми.

Было очевидно, что бель Озем уже собрал свой Большой, судя по количеству нитей, Круг. Кроме того, от беля Озема исходил отчетливый запах интенсивно работающего тела, запах разогретой кожи и свежего пота. Пожалуй, я уловил бы этот запах даже своим обычным, не магическим, обонянием. А это значило, что он уже активизировал все биологические возможности своего организма и способен в любой момент выбросить необходимое количество энергии.

Все эти мысли мгновенно промелькнули в моей голове. Тем не менее я спокойно ответил:

– Правду так правду... Я хотел бы взглянуть на ту книгу, из-за которой ты сжег беллу Злату...

Озем даже не вздрогнул. Казалось, он ожидал чего-то именно в этом роде.

– Вот как?.. – медленно проговорил он, постукивая пальцами по пустой столешнице. И в тот же момент он нанес сокрушительный ментальный удар, стараясь мгновенно подчинить мое сознание.

Я успел выбросить щит, и он частично отвел, частично поглотил брошенный в меня сгусток энергии. Но бель Озем тут же швырнул еще два смерча Силы, стараясь достать меня с двух разных сторон. Я вынужден был нырнуть в полную защиту, одновременно пытаюсь провести анализ использованных им энергий.

Мощь его атаки нарастала, но я уже сообразил, что ему не удастся пробить мою защиту. Более того, я вполне мог обезвредить беля и подчинить себе. Вот только при этом Большой Круг немедленно распался бы и мне пришлось бы иметь дело с неизвестным количеством магов, удерживая еще и беля Озема. Нет, воевать на неизвестно сколько фронтов мне совершенно не хотелось. Необходимо было искать другое продолжение нашей встречи. И я начал постепенно снимать свою защиту.

Милое личико беля тут же перекосила гримаса радости. Видимо, его атака стоила ему огромных усилий, даже с поддержкой его Большого Круга. Он уже распустил два своих смерча на несколько тугих щупалец и оплел мой защитный кокон, сдавливая его со всех сторон. Я продолжал постепенно ослаблять свое сопротивление, создавая у своего противника ощущение превосходства его атаки над моей защитой. Наконец я допустил маленький жгутик энергии Озема до своего тела – надо было понять, к чему он стремится, каковы будут его последующие действия.

Как я и ожидал, он постарался немедленно расширить предоставленную ему брешь, а проникший за защиту энергетический потенциал попытался использовать для подчинения моего сознания.

Я решил пойти ему навстречу.

Теперь, постепенно сдавая свою защиту, я старался, чтобы он не понял, что я делаю это намеренно. Мое тело постепенно цепенело, лишаясь собственной воли. Одновременно замирало и мое сознание, словно погружаясь в замораживающие объятия безразличия. И тут я неожиданно вспомнил кадры из старого фильма-сказки. Там заколдованная главная героиня безразлично повторяла: «Что воля, что неволя – все равно...» Именно эта фраза, на мой взгляд, точно характеризовала навязанное мне состояние. Только в отличие от этого сказочного персонажа в моем мозгу жила та крошечная частичка сознания, которую я успел отщепить, входя во дворец. И эта маленькая искра не только позволяла мне наблюдать за всеми действиями моего противника, она была готова в любой момент разбудить мое «я», а вместе с ним и все мое Искусство.

А нашу схватку бель Озем мог считать законченной. Мое сознание было полностью подчинено его воле. Он некоторое время продолжал неподвижно сидеть за своим столом, а его внешний вид ясно показывал, каких сил стоила ему эта победа. Его бледный лоб был покрыт крупными каплями пота, тонкие пальцы уже не отбивали бодрый ритм по столешнице, а тряслись в какой-то старческой неустойчивой дрожи. Даже поджатые тонкие губы подрагивали, словно хотели что-то произнести и не могли.

Наконец он собрался с силами и, взглянув в сторону моего неподвижного тела, произнес:

– Ну вот и ладушки, незнакомец... А сейчас мы с твоей душой прогуляемся по моему Городу и побеседуем. И ты расскажешь мне всю-всю правду... Про себя... про беллу Злату, про... Серого Магистра. И про то, откуда и как вы все пришли в мой мир...

Затем он пробормотал несколько совершенно неразборчивых фраз, и я увидел, как от его сидящей фигуры отделилась черная, слегка размытая тень и встала возле стола. В то же мгновение из моего неподвижно стоявшего тела будто вывалились две тени – одна угольно-черная, а вторая светло-серебристая – и встали по разные стороны от меня.

– Ба! – произнесла тень беля Озема. – Да у нашего незнакомца две души!.. Я приглашаю с собой, конечно же, светлую...

Серебристая тень молча шагнула к столу Черного мага, а ее черный двойник снова вернулся в выплунувшее его тело.

Тень Озема направилась к висевшему на стене гобелену и, подождав, когда с ней рядом встанет моя серебристая душа, радушно произнесла:

– Прошу тебя, душка!.. – И они шагнули на залитую солнцем улицу Города...

Бель Озем и я одновременно шагнули на желтую, вызолоченную солнцем брусчатку городской улицы.

– Это мой чудесный Город. – В голосе Черного мага звучало радушие и гордость за свой Город. – Он тебе обязательно понравится... И его неповторимые здания, и его роскошные сады и парки, и его чудесные, добрейшие жители, они все тебе обязательно понравятся. Ведь после того как ты расскажешь мне свою историю, ты останешься здесь навсегда. Но ты не торопись со своим рассказом, я сам скажу тебе, когда можно будет начинать. А пока я хочу показать тебе Город...

Мы не спеша шагали по чуть приподнятому тротуару широкой улицы. По ней проносились роскошные кареты и простенькие наемные экипажи. Оба тротуара были заполнены веселой, празднично одетой толпой. Двух- и трехэтажные дома, оштукатуренные и выкрашенные в яркие цвета, тоже создавали праздничную атмосферу. Мы переходили с одной стороны улицы на другую, иногда возвращались назад, заходили в маленькие лавочки и магазинчики и, выходя из них через другие двери, снова оказывались на той же улице. Наша прогулка очень напоминала блуждание, в котором лишь один из нас знал, почему он сворачивает в ту или другую сторону.

Большинство из прогуливающихся горожан радостно приветствовали беля Озема, а на меня поглядывали с нескрываемым интересом.

– Это центральная улица Города, – продолжал между тем бель Озем свои пояснения. – Она ведет к дворцу правителя, коим, конечно же, являюсь я... – Он довольно улыбнулся. – Все эти люди – мои подданные, и, как видишь, они вполне счастливы. В этих лавках и магазинах, – он обвел широким жестом торговые точки, находившиеся в первых этажах окружающих зданий, – ты сможешь купить все, что только пожелает твоя душа. Конечно, тебя интересует, какие деньги можно использовать в моем Городе. Так вот, пусть тебя это не беспокоит. Всем жителям моего Города открыт неограниченный кредит... – И он весело расхохотался.

В этот момент мы вышли на широкую площадь, примыкавшую к высокому, в пять-шесть этажей, дворцу, очень напоминавшему своей архитектурой Зимний дворец Петербурга.

– А вот и мой дворец, – воскликнул чуть ли не в экстазе бель Озем. – Ты видел когда-нибудь подобную красоту?

Ответа на его вопрос не требовалось, потому что Черный маг и так был уверен в неповторимости своего дворца.

Мы медленно, все так же петляя, пересекли площадь, направляясь в сторону величественного здания. И тут я почувствовал, что контроль беля Озема за моим состоянием начал ослабевать. То ли он уверился в абсолютной моей апатии и подчиненности, то ли из его Города действительно нельзя было выбраться самостоятельно, только он явно уменьшил свое воздействие на мое сознание. Впрочем, я не торопился «приходить в себя».

Мы приблизились к дворцу и, поднявшись по нескольким широким мраморным ступеням, оказались у его роскошного центрального входа. Великолепные гвардейцы, стоявшие почетным караулом, вскинули в салюте свои тяжелые сверкающие палаши.

– Вот сейчас мы разместимся в столовой, и там, за бокалом отличного вина, ты поведаешь мне свою историю, – добродушно приговаривал бель, пропуская меня в раскрытые дворецким двери.

Но войдя во дворец, мы оказались в довольно темном коридоре со странными полупрозрачными стенами, сквозь которые просматривалось какое-то смутное шевеление. Через каждые пять-шесть шагов в разные стороны ответвлялись боковые ходы, совершенно неотличимые от основного коридора. Черный маг пошел впереди, бормоча что-то успокаивающее. Он бессистемно сворачивал то вправо, то влево, так что я мгновенно запутался. Пройдя таким образом несколько минут, я принялся тихим шепотом считать свои шаги. Едва я произнес цифру «пятнадцать» – кодовое слово, установленное мной самим, как дремавшая в глубинах мозга искорка сознания встрепенулась и рванулась наружу, пробуждая мою личность.

Через несколько мгновений я пришел в себя и тут же, в два слова, соорудил собственного дубля, полностью лишённого сознания. Эта бездушная кукла продолжила мое монотонное движение вслед за хозяином дворца, а сам я быстро нырнул в первое попавшееся ответвление коридора и замер.

Мне почему-то показалось, что в коридоре еще более сгустились сумерки. Хотя какое там «показалось», эти «сумерки» стали настолько плотными, что если бы не мое магическое Зрение, я вообще ничего бы не разглядел. Однако даже сейчас за стенами коридора я явственно различал некое угрюмое барахтанье. Я непроизвольно сделал шаг к стене, пытаясь рассмотреть получше, что же там происходит, и в то же мгновение плотная черная тень, словно почуяв мое движение, метнулась мне навстречу и буквально впечаталась в стену, надеясь, видимо, добраться до меня. Я отпрянул, и эта стервозная тень сразу обмякла, выпростав из себя некое подобие туманных щупалец, и медленно потянулась прочь от стены.

Я внимательно огляделся. Из моей небольшой ниши главный коридор, по которому шагали мы с белем Оземом, выглядел как старая заржавленная труба, напроць изъеденная коррозией. По его скругленным стенам тянулись странного вида потеки, а в некоторых местах виднелись выпуклости, напоминавшие полипы. Было件нятно, что к стенам нельзя прикасаться ни в коем случае. А вот по полу коридора, также имевшему слегка вогнутую форму, тянулась ярко-алая, стеклянно поблескивающая ниточка. Я вышел из своего укрытия и присел над этой ниточкой.

Одного внимательного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это страховка. Бель Озем специально оставлял за собой эту нить, чтобы потом спокойно выйти из своего «дворца». Коротким заклинанием я рассек алую нить и направился к выходу. И по мере моего движения нить исчезала с прогнутого пола коридора.

Довольно быстро я достиг места, где по моим представлениям должны были находиться роскошные входные двери. Однако никаких дверей не было и в помине. Коридор заканчивался довольно высокой аркой, через которую я шагнул из этого прогнившего, разваливающегося коридора на площадь.

Но никакой площади тоже не было! И никакого Города не было! Передо мной, несколько ниже странной деревянной платформы, на которой я оказался, располагался запутанный лабиринт темно-серых каменных стен, возведенных чуть выше среднего человеческого роста. И в этом лабиринте бестолково толклись сотни блекло-разноцветных теней. Нет, они не искали выхода, они перемещались между этими стенами без всякой цели, как безмозглые автоматы, просто неспособные остановиться.

Но моя путеводная ниточка продолжала ярко посверкивать, спускаясь с платформы, на которой я оказался, по кривому пандусу и пропадая в проходе между двумя стенками. Я долго шагал за своей «нитью Ариадны», проходя сквозь полупрозрачные тени, и они порой шарахались от меня, а порой не обращали на меня внимания, с усталым шелестом обтекая

мое тело. И ни единого звука не раздавалось в этом, столь недавно наполненном праздничным шумом, «Городе», а алая черта бесшумно пропадала за моей спиной, стирая надежду беля Озема на возвращение.

Наконец я почувствовал, что приближаюсь к концу своего пути. Нет, никаких признаков выхода не было, по обеим сторонам все так же тянулись темно-серые каменные стены, а под ногами змеилась алая нить, но внезапно все мое существо наполнилось странно-радостным предвкушением слияния. И тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.